

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

**МИХАИЛ
БОЛТУНОВ**

СПЕЦОПЕРАЦИЯ

"ЗВЕРОБОЙ"

В сводках не сообщалось...

Михаил Болтунов

Спецоперация «Зверобой»

«ВЕЧЕ»

2020

Болтунов М. Е.

Спецоперация «Зверобой» / М. Е. Болтунов — «ВЕЧЕ»,
2020 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-8535-0

13 марта 1943 года в Смоленске было совершено покушение на Гитлера. Речь не об известной бомбе полковника фон Трескова, которая не сработала в самолете фюрера. Его ликвидировали советские разведчики – специальная разведывательно-диверсионная группа «Зверобой» – по дороге из ставки «Беренхалле» («Медвежья берлога») на аэродром. Гитлер был убит. Но тогда кто руководил Германией еще два года?..

ISBN 978-5-4484-8535-0

© Болтунов М. Е., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	34
Часть вторая	39
Глава 1	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Ефимович Болтунов

Спецоперация «Зверобой»

© Болтунов М.Е., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Глава 1

Майор Кузьма Деревянко подходя к контрольно-пропускному пункту воинской части, услышал громкие голоса. Судя по всему, дежурный по КПП отказывался пропускать кого-то из желающих посетить часть. Подойдя поближе, майор увидел стоящего к нему спиной военного в длиннополой шинели, который горячо доказывал, что ему непременно надо попасть к командиру. Дежурный преграждал путь посетителю и объяснял: командир пока не прибыл на службу.

Деревянко остановился и молча наблюдал за происходящим. В следующую минуту его увидел дежурный, пытался что-то сказать, но Кузьма Николаевич его опередил:

– Что тут происходит? – спросил он строго. – Чего шумим?

– Да вот рвется к командиру, – ответил дежурный, указывая на стоящего перед ним человека.

В это время военный развернулся, отдал честь майору, представился:

– Воентехник второго ранга Баталин.

– Слушаю вас, товарищ Баталин.

– Я к полковнику Мамсурову.

– Командира нет, вам же сказал дежурный.

– Тогда к начальнику штаба майору Деревянко.

Кузьма Николаевич с удивлением посмотрел на гостя.

– Я начальник штаба.

Воентехник вовсе не смутился. Он был также напорист и самоуверен.

– Тогда к вам.

– По какому поводу?

Баталин огляделся вокруг, словно опасаясь, что его услышат, и прошептал:

– Дело государственной важности...

Деревянко только развел руками.

– Ну коли так, милости прошу.

Они прошли в здание, где должна была в скором времени расположиться особая лыжная бригада. Но пока здесь было тихо. Баталин шел за майором длинным коридором. На дверях он разглядел таблички: «Первый отряд», «Второй отряд», «Третий...» Значит, он вовремя. Здесь все готово к приему личного состава. Баталин знал, что бригада формируется из добровольцев-лыжников, студентов физкультурного института имени Лесгафта.

Майор остановился у двери с табличкой «Начальник штаба», отрыл ее ключом и, распахнув дверь, пригласил войти Баталина.

– Раздевайтесь, присаживайтесь. Вас как по имени-отчеству?

– Сергей Иванович.

– Что у вас за дело государственной важности, Сергей Иванович?

– Я слушатель электротехнической академии, четвертый курс. Весной выпуск. А дело у меня одно – хочу бить белофинов в рядах вашей бригады.

– Во как! – удивился майор. – Шустро запрягаешь, Баталин.

– А чем я хуже спортсменов?

В это время в кабинет вошел высокий, затянутый в портупею полковник.

Деревянко встал, следом за ним вскочил со своего стула Баталин. Сергей почувствовал, что это и есть командир бригады Мамсуров.

Полковник поздоровался с майором, потом пожал руку Сергею.

– У нас гости? – кивнул он начштаба. Комбриг был несколько медлителен в движениях, говорил с заметным кавказским акцентом.

– Можно и так сказать. Хочет стать нашим боевым товарищем. Воентехник второго ранга Баталин из электротехнической академии рвется на фронт. Желает воевать в составе бригады.

– Торопишься, воентехник. Боишься опоздать? На войну не бывает опозданий. Я в твои годы тоже спешил на Гражданскую. Пацаном еще был, рвался. Потом навоевался вдоволь, аж во рту горько.

Полковник внимательно посмотрел на Баталина, словно проверяя эффект своих слов, кивнул начштаба:

– Правильно я говорю, Кузьма Николаевич?

– Готов подписаться под каждым словом. Тебе, Баталин, академию надо заканчивать. Армии грамотные специалисты нужны, а не пушечное мясо. А фронтов на твою долю хватит, – подытожил Деревянко.

– Академию я закончу. А на войну действительно могу опоздать. Мы обсуждали этот вопрос между собой и с преподавателями, и пришли к выводу: десять дней, ну, самое большее две недели, и Красная армия разгромит финнов. Польский поход тому подтверждение.

Мамсуров возражать не стал, только спросил:

– Значит, ты твердо решил – на войну. Но одного горячего желания мало, товарищ воентехник, чтобы попасть в бригаду. У нас много добровольцев. Так что берем лучших.

– Может, это прозвучит не скромно, но я и есть, если не лучший, то один из лучших.

Командир бригады едва заметно улыбнулся.

– Нужны первоклассные лыжники, хорошие стрелки. На той стороне не ждут с пирожками, понимаешь? Кто-то может, и считает, что финны нас с цветами встречать будут, но мы с Кузьмой Николаевичем думаем иначе.

Сергей ничего не ответил, молча снял с вешалки свою шинель, достал из внутреннего кармана маленькую книжицу со спортивным значком на обложке, протянул ее полковнику. Мамсуров раскрыл книжицу.

– Слышь, Кузьма Николаевич, а воентехник-то бегаёт на лыжах по первому разряду.

– Чемпион академии по лыжным гонкам на десять километров, между прочим, – добавил с гордостью Баталин.

Мамсуров и Деревянко переглянулись.

– А как с огневой подготовкой? – спросил начштаба.

Баталин самоуверенно хмыкнул.

– Да уж получше физкультурников стреляю. Меня что за четыре года в академии ничему не научили.

– Неплохо, неплохо... – словно размышляя о чем-то, задумчиво произнес полковник. – Правда, от лыжников-добровольцев у нас отбою нет.

– Может, вам переводчики нужны?

– Ты ж вроде в электротехакадемии учишься, а не на инязе, – поинтересовался Деревянко.

– Я и на инязе успел поучиться... – признался Сергей. – Правда, только первый курс окончил, дальше не потянул.

– Язык не пошел?

– Как раз язык отлично пошел. А вот холод ленинградский, да житуха впроголодь доконала. Стипендия всего шестьдесят пять рублей, представляете? Тяжко до невозможности. Зиму едва пережил. Демисезонное пальто, промозглый ветер с Невы, как задует, думаю, ну вот, окочурюсь, не добегу. А еще тоненькие, холодные ботинки. Промерзают влет. Будто боси-

ком шлепаешь. Приезжала ко мне мама два раза, но что она могла? Купила рубашку. Заплакала. На большее не хватило денег.

Баталин замолк, вспоминая маму и ее слезы. Потом признался.

– Но мне здорово повезло. Узнал, что военная электротехническая академия имени С.М. Буденного проводит спецнабор, подался туда и, к счастью, был принят. Мои материальные проблемы, как корова языком слизнула. Стипендия в пять раз больше – 300 рублей, обмундирование, питание. Когда я в первый отпуск приехал домой и выложил на стол подарки для мамы, отца, Бруно Францевича, мама разрыдалась.

– А кто такой Бруно Францевич? – поинтересовался начальник штаба.

Услышав вопрос, Сергей зарделся, словно его спрашивали о любимой девушке. По всему чувствовалось, что этот человек очень близок ему.

– Не знаю, как сказать. – Баталин потеплевшими глазами взглянул на полковника. – Считайте, что это мой крестный отец. Наш сосед по коммуналке. Когда-то преподавал в Ленинграде, в университете немецкий язык. Уж, каким ветром занесло его в нашу смоленскую глушь, не знаю. Он на эту тему не любил распространяться. Даже со мной. Поговаривали, что встретил в Питере свою любовь. А девушка, оказывается, была из наших краев. Видимо, крепко полюбил. И рванул за ней. Не знаю, поженились они не поженились, только вскоре возлюбленная бросила его, и умотала куда-то со своим любовником. А Бруно Францевич так и остался в нашем городке, работал учителем в школе. Дали ему комнату в коммуналке, и оказался он нашим соседом. Сошлись они с моим отцом. По воскресным на рыбалку вместе ходили, потом обедали у нас, выпивали, о мировых проблемах спорили. На все дни рождения, праздники родители его приглашали. Мать ему то чего-нибудь сготовит, то рубашки стирает.

А он любил со мной возиться. Мама у меня медсестрой в местной больнице работала, постоянные ночные дежурства, так она меня к Бруно Францевичу подбрасывала. Пока отец из своей РТС вечером вернется, а я под присмотром.

Деревянко кашлянул, и Баталин словно очнулся.

– Извините, заболтался, но без этого человека я бы не знал немецкого языка. Он занимался со мною с детства.

– С детства? Да ты не иначе дворянин, Баталин. Домашнее образование.

Сергей рассмеялся.

– И вы представляете, мне это нравилось. Не сразу, конечно.

Баталин вспомнил, как вечерами они пили чай с сушками, потом учитель начинал готовиться к урокам. Сначала Сережа ничего не понимал, о чем бормочет дядя Бруно, но из-за уважения к учителю, папиному другу, внимательно слушал его. Сосед словно невзначай спрашивал: «А знаешь как будет по-немецки мама? Папа? А маленький мальчик?» Потом Сережка и сам стал его дергать, как на немецком то, другое... Запоминал. Повторял. И удивлял на улице друзей, щеголял иностранными словечками.

«Хочешь научу немецкому?» – спросил как-то Бруно Францевич. «Это как?» – «Будешь на немецком языке говорить, как на русском». Сережка недоверчиво посмотрел на соседа: «Так не бывает». – «Но я же говорю, и ты будешь», – обнадеживал дядя Бруно. Сергей загорелся.

Теперь в свободную минуту первым делом бежал к соседу. Они занимались. Писать по-немецки первоклассник Баталин начал одновременно, как и по-русски. На уроках правописания путал немецкие и русские буквы. Его иногда ругала учительница. Но сосед успокаивал.

А вскоре выяснилось, что уроки дяди Бруно не пропали даром и маленький соседский мальчик впитывает иностранную грамоту, как губка: быстро запоминает слова и тексты и, главное, как заметил учитель, это ему очень нравится.

Потом Бруно Францевич предложил говорить только по-немецки. Позже задача усложнилась: учитель беседовал с ним на каком-либо диалекте – на баварском или на берлинском,

на гессенском. Он произносил фразу, а Баталину надо было повторить ее в точности со всеми интонациями. Сергеем почему-то «лег на душу», как говорил дядя Бруно, тюрингский диалект.

К выпуску из средней школы Баталин знал язык основательно. Никто не сомневался, что он пойдет в пединститут и станет хорошим учителем немецкого языка. Никто, кроме самого Сергея. Втайне он задумал попробовать свои силы и поступить в Ленинградский государственный университет. На иняз, конечно. Но освоить ему мечталось совсем другой язык. Вот как раз в этом он больше всего боялся признаться дяде Бруно. Казалось, этим решением он предавал своего учителя.

Сергей понимал: разговор между ними рано или поздно должен был состояться. И он состоялся. С замиранием сердца Баталин признался, что хочет пойти на... испанский. Бруно Францевич откинулся на стуле, вздохнул и прикрыл глаза:

– Ах, Сережа, Сережа, когда-то я мечтал освоить язык Мигеля де Сервантеса, Федерико Гарсия Лорки. Читать «Дон Кихота» в подлиннике. Но не судьба.

– Так вы одобряете мой выбор? – осторожно спросил Баталин.

– Полностью, мой дорогой. Учи испанский. А немецкий не забывай, поддерживай. Думаю, он тебе еще пригодится.

– Так я попал на испанский.

– На испанский, говоришь? – хитро усмехнулся Мамсуров. И вдруг спросил по-испански: – Как, удалось прочесть «Дон Кихота» в подлиннике?

Баталин с удивлением посмотрел на полковника, но быстро собрался и ответил на языке Сервантеса.

– Частично, я ведь испанский только год учил. А вот финский уже три года.

– Ты еще и финский знаешь? Когда успел?

– В академии. Утром лекции, потом самоподготовка, а вечером с 20 до 23 часов – занятия финским языком на курсах. Надеюсь, вместе с академическим дипломом получу диплом переводчика с финского.

– Значит, Алексиса Киви ты, в отличие от Сервантеса, прочел в подлиннике? – спросил вдруг Деревянко.

Баталин понял: командиры ему попались не простые и устраивают импровизированный экзамен. Ну что ж, он готов к экзамену.

– Роман «Семеро братьев» Киви – это, конечно, не «Дон Кихот», но все же финская классика. Так что читал. Фрагментарно.

Командир бригады и начальник штаба замолчали, потом Мамсуров спросил Деревянко:

– Кузьма Николаевич, что будем делать с этим полиглотом? Возьмем?

– Надо брать. Парень боевой. В конце концов, наш комиссар бригады Черемных тоже в академии в настоящее время обучается. Сошлемся на него.

– Ладно, – согласился Мамсуров, – поговорю я с начальником разведки округа. Надеюсь, нам не откажут. Иди, Баталин, думаю, через недельку получишь предписание.

– Спасибо, товарищ полковник, – поблагодарил Сергей.

– Нашел за что благодарить, – вздохнул Мамсуров. – Мы тебя с майором Деревянко не на галушки берем, а на войну.

Когда воентехник Баталин, распрощавшись, покинул кабинет начальника штаба, комбриг с гордостью сказал:

– Вот такие у нас с тобой ребята!

Глава 2

– Мехлис! – воскликнул комбриг Виноградов. Он побледнел, и лоб его покрылся испариной пота.

– Да, Алексей Иванович, к нам едет Мехлис, – удрученно подтвердил начальник политотдела дивизии батальонный комиссар Иван Пахоменко.

Он только что появился в избе, где после выхода из окружения расположилось командование 44-й стрелковой дивизии. Командир дивизии Виноградов стоял у стола, начальник штаба полковник Онуфрий Волков сидел на деревянном топчане у стены. В дальнем углу хаты примостился переводчик воентехник Сергей Баталин.

– Мехлис, – простонал Виноградов и тяжело опустился на лавку у стола. Обхватил голову руками. – Это конец, конец...

– А командарм с ним? – спросил начштаба Волков.

– Не знаю. С ним военный трибунал.

– Трибунал, говоришь. Это по нашу душу, – обреченно выдохнул начштаба. – Нашли, бля, крайних. Как дивизию в сорокаградусный мороз в легких шинельках да в брезентовых сапогах, с винтовками, которые на морозе не стреляют, в атаку бросать, так это раз плюнуть. Продслужба трое суток простояла на армейском продпункте, как кобыла в стойле. И что? Хрен с маслом получила. Ни крошки продовольствия...

Он замолчал. В комнате повисла напряженная тишина. Волков никак не мог успокоиться, порывисто поднялся со скамейки и, обращаясь к Виноградову, бросил:

– Ты помнишь, Алексей Иванович, как я в штаб армии названивал, глотку сорвал, бумаги пудами писал. А они чтобы отвязаться, прислали полушубки для командного состава. Черные полушубки! Это же издевательство! Когда я не выдержал и заорал по телефону, мол, нас перебьют в этих полушубках, как куропаток, что мне зампотыл ответил? Спокойно, так, сука, издевательски ответил. Не хочешь быть куропаткой, не одевай. Других полушубков нет.

Баталин слушал командиров. За несколько сумасшедших по напряжению недель он сроднился с этими людьми. Хотя многое для него было непонятно, необычно, и даже не объяснимо. В академии их учили совсем не тому, что он увидел в жизни. Во фронтовой жизни. Нет, это не значит, что ему не хватало теоретических знаний. Учили крепко. Но как временами теория далека от практики.

Полковник Мамсуров, как и обещал, договорился с начальником академии, и его отпустили на фронт. В предписании было указано – явиться для дальнейшего прохождения службы в штаб 9-й армии. Так он и сделал. Прибыл в отдел кадров, доложил, сдал документы. Его заставили заполнить стандартную анкету.

Кадровик, интендант 2-го ранга, грузный, небольшого роста краснолицый мужчина, внимательно прочел анкету.

– Немецкий, испанский и финский? – удивленно спросил он. – Я ничего не попутал?

Сергей подтвердил, что интендант все понял правильно. Правда он тут же признался, что испанскому обучался всего год и теперь почти его забыл.

– А мне ни к чему твой испанский. Финский! – обрадованно воскликнул кадровик. – Как же я ждал тебя, дорогой! Толмач нужен в штаб сорок четвертой дивизии. Хороший толмач, мужик, кадровый военный, а не баба-студентка зеленая, необученная, которая тени своей боится. Дивизия срочно вводится в дело. И там край нужен переводчик.

Интендант забавно хлопнул в маленькие, пухленькие ладошки.

– Сейчас мы тебя быстренько оформим, и шагом марш к комбригу Виноградову.

– Подождите, товарищ интендант второго ранга. У меня целевое направление в особую лыжную бригаду полковника Мамсурова.

Кадровик скорчил недовольную физиономию и укоризненно посмотрел на Сергея.

– Чего ты пылишь, Баталин. Особая лыжная только формируется. Успеешь еще. Ты же хотел на фронт? Вот тебе фронт. Повоюешь на переднем крае, наберешься боевого опыта, и я тебе обещаю, сразу переведу к Мамсурову. Приедешь уже обстрелянным бойцом. Тем более сорок четвертая стрелковая – одно из лучших соединений Красной армии. Это же дивизия Щорса. В польском походе показала себя блестяще. Вот ее и перебросили к нам. Мощь, сила! Сейчас она раздавит, как грецкий орех, этот белофинский заслон, объединится с дивизией комбрига Зеленцова – и все, победа!

Зажигательно говорил интендант, настоящий кадровый работник, что тут скажешь. Это потом Баталин понял, что для него главное было «забить» клеточку и доложить: вакансия заполнена, да еще, как он выразился, не зеленой бабой, а бедовым мужиком. Но тогда Сергей поддался на уговоры интенданта, подумал, мол, и правда, он же просился на передовую.

Так он попал в штаб сорок четвертой. К тому времени успех 163-й стрелковой дивизии был позади. Финны захватив узловые пункты дороги Раате, перерезали пути снабжения, и начали штурм Суомуссалми. После недели ожесточенных боев финское командование перебросило подкрепление – резервный пехотный полк.

Ставка советского Главного командования, обеспокоенная неблагоприятным развитием событий, потребовала срочно перебросить на помощь окруженной 163-й дивизии новые силы.

19 декабря 1939 года командующему 9-й армией поступила шифрограмма: *«Дело в Суомуссалми ухудшается. Приказываю принять все меры и срочно без промедления бросить все силы 44 сд для того, чтобы не дать противнику окружить и взять в плен два полка 163 стрелковой дивизии. Бросить всю авиацию для помощи 163 стрелковой дивизии... Непосредственное руководство и ответственность за проведение боевых действий по оказанию помощи 163 стр. дивизии возлагается лично на Вас. Предупреждаю, что за возможную катастрофу 163 стр. дивизии лично будете отвечать вы».*

Подписали эту грозную шифрограмму Главнокомандующий К. Ворошилов, член Главного Военного совета И. Сталин и начальник Генерального штаба Б. Шапошников.

После такого приказа никто не желал разбираться в проблемах дивизии, переброшенной с юга: подготовлена она к боевым действиям в суровых условиях Севера, обмундирована ли соответствующим образом, накормлена ли, каковы запасы продовольствия. Штаб армии старался побыстрее выдвинуть части навстречу завязшей в боях 163-й дивизии.

Однако, несмотря на все усилия, развертывание соединения шло медленно. Некоторые подразделения и части еще только выгружались из железнодорожных эшелонов. Из-за нехватки автотранспорта бойцы двигались походным маршем.

И все-таки кадровик был прав, когда говорил, что 44-я стрелковая дивизия была мощным воинским формированием, даже при всех сложностях и недостатках. С началом конфликта соединение укомплектовали приписным составом по штатам военного времени, хорошо вооружили, обеспечили техникой, лошадьми, которые так необходимы в условиях зимнего бездорожья.

Превосходство советской дивизии над противостоящими финскими частями в артиллерии, минометах, танках, а так же в поддержке с воздуха, было значительным.

– Твое место будет здесь, в штабе, – приказал полковник Волков, когда Баталин прибыл в дивизию. – Мне такой грамотный помощник очень кстати.

Сергей усмехнулся. Еще ничего не успел сделать, а уже получил столь лестную характеристику.

– Чего ты лыбишься? Так оно и есть. У меня образование среднее, у комдива тоже, а у полкового комиссара и вовсе низшее. Некогда нам было учиться: революция, Гражданская, то Колчака громили, то Махно по степям гоняли... А ты без пяти минут академик. Будешь при мне.

Предложение Волкова совсем не обрадовало Баталина. Не за тем он просился на фронт, чтобы протирать штаны в штабе.

– Товарищ полковник, – начал осторожно Сергей. – А может в поле, в войсках для начала поработать. Что мне тут делать? Пленных пока нет, допрашивать некого.

– А ты не печалься, Баталин, дел у нас с тобой вагон и маленькая тележка. Прямо сейчас начнем их разгружать.

Волков порылся в стопке бумаг на столе, достал сложенный вчетверо большой лист бумаги, кивнул Сергею.

– Подь сюда, академик. Тактике, надеюсь, обучен? Топографии? Не сомневался. За четыре года медведя можно научить...

Начштаба недоговорил, видимо, вспомнив, что это выражение относится совсем к другому роду деятельности. Волков развернул лист. Баталин глянул через плечо и понял, что это топографическая карта. Правда, не наша, а финская. Все обозначения были на финском языке. Странно, что он не узнал карту сразу. Состав бумаги даже на вид отличался от той, на которой печатались советские карты. А он-то их за годы учебы перевидал немало.

– Что за карта? – удивленно спросил Сергей.

– Белофинская, голубчик, белофинская. По большому благу достали.

– А где же наши карты?

– Я бы ответил тебе где, да не могу выразаться. Больно юный ты. Вот завтра отправлю тебя в Ленинград, в штаб округа, задашь там свой хитромудрый, но вполне справедливый вопрос. Строго с них спросишь: почему у нас до сих пор нет новых карт театра военных действий. Дали старье, еще с царских времен. Оперативники в соседней хате мучаются, голову ломают, как ее к нашему времени приспособить. А мне вот финскую достали, туристическую, что ли?.. Но, как говорят, за неимением гербовой...

Полковник тяжело вздохнул, низко склонился над столом.

– Тут и нужны твои высокие знания, академик. Названия-то на финском. А я в нем ни уха ни рылю. Не слышал, даже как он звучит. Если бы это польский, я бы кое-как разобрался...

– Какова задача дивизии? Конечный рубеж? – спросил Сергей по-фински.

Начштаба вскинул голову.

– Так звучит язык противника. Ну и что ты спросил, сынок?

– Я попросил назвать мне конечную точку нашего передвижения.

– Ищи Суомуссалми. Там нам предстоит соединиться с частями комбрига Зеленцова.

– Вот оно Суомуссалми, – ткнул карандашом Баталин. – Мы здесь. А это, надо думать, дорога по которой выдвигаются наши части.

Полковник внимательно пригляделся, и удовлетворенно кивнул.

– Точно так, она... Теперь берешь карандаши и наносишь обстановку. Я тебе диктовать буду. Обозначаешь двадцать седьмой километр в районе перешейка между озерами Куйвасярви и Куомасярви. Там финский заслон, который нам следует разгромить.

С картой, с решением на выдвижение, они возились до позднего вечера. Казалось бы теперь можно спокойно уснуть. Но Баталину не спалось. Перед глазами вставала дорога, ведущая к Суомуссалми, растянувшиеся колонны наших войск, трескучий мороз на дворе.

Полковник Волков несколько раз при нем писал шифротелеграммы в штаб армии, просил выделить полушубки, валенки, рукавицы.

Дважды к ним заходил командир дивизии комбриг Виноградов, коротко спрашивал:

– Что шторм? Глухонемой?

– Пустые хлопоты. Молчат.

– Молчат, душу мать, засранцы! – ругался комбриг. – А там люди замерзают. Придется лично к командующему обращаться.

Волков только пожимал плечами. Видимо, не очень-то он верил в эффективность такого обращения.

Сергей вспоминал нанесенные на карту значки. Вроде все путем, все по науке, но что-то тревожило его. По данным разведки финский заслон на двадцать седьмом километре не так велик. Тогда где остальные силы противника? Разведка об этом скромно умалчивала. Возможно, они готовят какой-то хитрый ход. Надо бы утром поговорить об этом с Волковым. Но утром начштаба ушел к командиру дивизии, а Баталину приказал по приемнику слушать передачи финского радио. «Вернись, доложишь, что там брешут про нас белофинны», – сказал полковник.

Совещание у командира продлилось почти до обеда. Вернулся оттуда начштаба в приподнятом настроении, с порога объявил:

– Академик, тащи карту. Нам придан триста двенадцатый отдельный танковый батальон. Сорок четыре танка! Теперь никакой черт не страшен.

Баталин нанес на карту расположение батальона и наконец задал вопрос, который мучил его с полуночи.

– Товарищ полковник, смотрите, как растянулась наша дивизия. Я прикинул, примерно километров на тридцать.

– И что с того? – спросил Волков. – Дивизия выдвигается к фронту. Ну да, растянута. Были бы у нас машины в достаточном количестве, перебросили бы на них. А так в основном пешком, на своих двоих, боеприпасы перевозим на лошадях.

– А если финны ударят?

– Куда это они ударят?

– По колонне, во фланг.

– Ты глаза раскрой, академик. А рот закрой. Сам наносил на карту состав наших войск. Это же сила, силища! По опыту польской кампании знаю: ну, трепыхнутся раз-другой белофинны, как паны. И что? Смяли мы их, как карточный домик, и пошли дальше. Нет, не посмеют они рыпнуться.

Однако посмели. Уже на следующий день в штаб дивизии пришло первое сообщение, что на выдвигающуюся колонну в нескольких местах совершено нападение небольших финских отрядов. Атаки были отбиты. Но преследовать противника не смогли. Не хватало лыж, да если бы они и были в нужном количестве, командиры и солдаты дивизии, срочно переброшенные из южных районов страны, не умели на них ходить.

А у финнов, наоборот, отменная лыжная подготовка: они не только отлично ходили, но и ползали по-пластунски, не снимая лыж, и даже в случае необходимости, забирались в них на деревья. Получалось, на этой войне лыжи оказались едва ли не идеальным средством передвижения.

Теперь штаб дивизии с трудом успевал принимать сообщения о нападении на наши растянувшиеся колонны. Финны, организовав небольшие, подвижные лыжные отряды, упорно били во фланг.

Информация, поступающая из передовых частей, оказалась крайне скупой. Не были разведаны позиции противника, не выявлены огневые точки.

Накануне наступления 26 декабря предполагалось, что перед фронтом дивизии сосредоточены три финские роты с минометами, которые поддерживают огнем несколько пушек. Им противостояли наши три стрелковых батальона, полковая артиллерия и танковая рота. Остальные части были вытянуты вдоль дороги к фронту. Казалось бы с сосредоточением сил все обстоит неплохо.

Однако за день до установленной даты наступления в штаб пришел возбужденный начальник связи соединения майор Юткевич. Он поздоровался с начальником штаба, пожал руку Баталину.

– Онуфрий Иосифович, – обратился Юткевич к полковнику Волкову. – Кто такой майор Плинк из штаба армии, не знаете, случаем?

– Первый раз слышу. А что случилось?

– Да уж случилось! Вот это принял наш радиоузел десять минут назад. Открытым текстом. Они что, с ума посходили?

Связист протянул бланк радиogramмы. Полковник прочитал, лицо его вытянулось от удивления. Он в некоторой нерешительности вернул радиogramму, потом взял ее обратно из рук начальника связи. Словно, не веря глазам своим, пробежал текст еще раз.

– Что творится в штабс-квартире? Это же, блядь, враг народа. Чистый враг. А НКВД доложил – их всех вычистили в тридцать седьмом. Вот же он! – потрясая телеграммой, вскипел Волков.

Полковник шагнул к двери, распахнул ее и на ходу бросил начальнику связи:

– Жди меня тут. Я к командиру.

Начштаба ушел, а Юткевич так и остался стоять как вкопанный посреди комнаты.

– Присаживайтесь, товарищ майор, – на правах хозяина предложил Баталин.

Тот отрешенно посмотрел на Сергея, потоптался, потом все-таки присел.

– Ты представляешь, части сосредоточены для удара, а он открытым текстом. Как на базаре. Нас же финны и днем и ночью слушают.

– А что там? – поинтересовался Баталин.

– Всего одно предложение, и наши старания – коту под хвост. «Сообщите готовность к наступлению сорок четвертой стрелковой дивизии». И подпись «Майор Плинк».

– Выходит, теперь наступление отложат?

Юткевич пятерней откинул на сторону седеющие волосы и грустно посмотрел на Баталина.

– Ага, держи карман шире. Кто ж нам позволит? Уж мы пойдем ломить стеною, как говаривал поэт. Только вот из-за этого мудака Плинка потеря будет немерено.

Начальник связи встал.

– Не могу я тут сложа руки сидеть. Пойду. Волкова перехвачу у командирской хаты. Будь здоров, воентехник.

Майор-связист оказался прав. Наступление не отменили. Наступление провалилось. Дивизия не смогла выполнить поставленную задачу – уничтожить финский заслон на 27-м километре. После этой неудачи командир 163-й стрелковой дивизии получил добро на отход.

А финны сосредоточились на неудачнице – 44-й дивизии. Летучие отряды противника перерезают пути передвижения советских войск, устраивают на них засады, делают завалы, не дают возможности пополнить запасы продовольствия, горючего, боеприпасов. Все это деморализует наши войска.

Удары финских отрядов достигли цели – дивизия была расчленена на несколько очагов сопротивления. 6 января комбриг Виноградов получает разрешение отступить. Штаб дивизии несколько суток с боями пробивался к своим.

7 января группа бойцов во главе с ее командиром и штабом прибыли в Важенваара.

Теперь комбриг Виноградов, полковник Волков и батальонный комиссар Пахоменко, вместе с ними и переводчик воентехник Баталин сидели в избе и ждали своей участи. Дождались. К ним следовал Мехлис с военным трибуналом.

...Было уже за полночь, когда в избу вошел военный, а следом за ним трое солдат. На плече у каждого была винтовка с примкнутым штыком.

– Прокурор армии военный юрист второго ранга Холиченко, – представился вошедший. Он вытащил из полевой сумки лист бумаги и зачитал фамилии Виноградова, Волкова и Пахоменко.

– Вы арестованы, – сказал прокурор и скомандовал: – Конвой!

Солдаты заняли места рядом с арестованными. Потом друг за другом вышли за дверь. Комната опустела. Баталин остался сидеть, словно примерз к лавке. Казалось, прокурор Холиченко сейчас вернется обратно, вытащит свой листок, скажет тихо и буднично: «Воентехник Баталин, вы арестованы».

«Что это было?» – спрашивал он себя и не находил ответа. Еще месяц назад Сергей сидел в теплой академической аудитории и даже представить себе не мог, что возможно такое: лютый мороз, снег, трупы убитых, замерзших солдат, чужой, враждебный лес, набеги финнов, пулеметные очереди, откуда их не ждешь, крики раненых. И в заключение – прокурор, конвой, арест...

«С ним ли это было?» Жизнь с треском разломилась надвое, словно подгнившая доска на хлипком переходе над черной бездной. Он чудом удержался. Он заглянул в бездну. В бездну войны.

Глава 3

Баталин так и уснул за столом, не в силах сдвинуться с места. А утром его разбудил начальник связи дивизии.

– Сергей! – тормозил его майор. – Да, проснись же, Баталин.

Воентехник поднял голову, протер глаза, провел ладонью по лицу и удивленно уставился на майора.

– Кончай ночевать. Пора за работу.

– Какую работу? – не понял Сергей.

Майор склонился к уху Баталина и прошептал:

– Пыль с пирогов сдувать. А хочешь по грибы слетаем.

– Я только вчера на грибной охоте жопу отморозил. До сих пор от лавки отодрать не могу.

Начальник связи широко улыбнулся, видя, что привел в чувство Баталина.

– Жопу ладно. Ты уши, случаем, не отморозил? Тогда пойдем, дорогой. Включу тебе финнов на узле связи и слушай их, поганных, сколько влезет.

– Зачем? – не понял Сергей.

– Это ты у дорогого товарища Мехлиса спроси. Он в соседней хате кофе хлебает, да командиров наших поднимает на дыбу, заодно и тебе объяснит. Хочешь провожу, дорогу укажу?

Баталин испуганно замотал головой. Майор по-дружески положил ему руку на плечо.

– Радуйся, академик. Тебе еще рано на дыбу к Леву Захаровичу. А приказал он прослушать, что финны про нас треплются, и доклад ему на стол.

– Я без прослушки знаю. Празднуют финны свою победу над прославленной дивизией Щорса.

Майор устал уговаривать Баталина, только обреченно рукой махнул.

– Дело твое... Как знаешь.

– погоди, это я так, к слову, – спохватился Сергей. – Пойдем послушаем. Триста лет мне бы их не слышать. На кой черт мне нужен был этот финский?

– Все бурчишь, господин толмач, а язык тут при чем, – укоризненно произнес начальник связи.

Сергей ничего не ответил, молча натянул шинель.

– У вас там перехватить ничего не найдется, а то я со вчерашнего дня ни хрена не ел.

– Хрена, извини, нет. Но голодным не оставим. Мы ж из окружения-то вышли.

На узле связи майор настроил приемник на волну финского радио и передал наушники Баталину. Финны ликовали. Звучала бравурная музыка, песни, время от времени прерываемые голосом диктора. Они славили доблестных финских воинов и их бесстрашных командиров. Рассказывали о том, как выбили из Суомуссалми 163-ю стрелковую дивизию русских, а 44-ю разгромили.

Потом музыка прекратилась и диктор торжественно объявил, что сейчас выступит полковник Сииласвуо, под гениальным руководством которого финские войска разгромили советские дивизии.

Глуховатый, с хрипотцой голос звучал из приемника. Слышимость была отличная. Финский военачальник подробно рассказывал о ходе боев, о смелости его подчиненных, о низком воинском мастерстве русских, о новой тактике действий, которую он лично изобрел. Сииласвуо называл эту тактику как-то странно. «Мотти, мотти», – повторял он. Поначалу Сергей не мог взять в толк, что за «мотти». Но это было важно. Война не окончена, надо знать, чего нового придумал противник.

«Мотти» по-фински не что иное, как заготовка дров. В ее основе, как известно, два действия: отрезать и колоть. Нечто подобное финны и проделали с частями 44-й дивизии – разрезали их на части и уничтожали.

Полковник Сииласуо с упоением рассказывал: *«Паника окруженных все росла, у противника больше не было совместных и организованных действий, каждый пытался действовать самостоятельно, чтобы спасти свою жизнь. Лес был полон бегущими людьми. Бойцы бросали не только пушки и пулеметы, но и винтовки. Многие красноармейцы погибли, застигнутые бурей. В полдень 7-го числа противник начал сдаваться, в основном это были раненые. Голодные и замерзшие люди выходили из землянок.*

Мы захватили немыслимо большое количество военных материалов, о которых наши части не могли мечтать даже во сне. Досталось нам все вполне исправное, пушки были новые, еще блестящие... Трофеи составили 40 полевых и 29 противотанковых пушек, 27 танков, 6 броневых автомобилей, 20 тракторов, 160 грузовых автомобилей, 32 полевые кухни, 600 лошадей».

Финский военачальник говорил не торопясь, словно смакуя каждое слово. Сергей успел записать все выступление. Перечитав его еще раз, Баталин подумал, что вряд ли оно понравится товарищу Мехлису. Впрочем, Лев Захарович в этой ситуации человек не посторонний, он является членом Военного совета армии. Так что пусть наслаждается речью финского военачальника.

...В последующие три дня переводчик Баталин занимался тем же, слушал противника, записывал, переводил и представлял отчеты Мехлису. Иногда помогал связистам. Начальник связи даже предложил остаться на время войны на узле в качестве инженера. Но Сергей сослался на то, что у него есть целевое назначение в особую лыжную бригаду, и он должен явиться туда. Пользуясь добрым отношением к нему майора, попросил помочь дозвониться до отдела кадров штаба армии, соединить его с интендантом Шкурко.

Кадровик был нежданно рад услышать Сергея.

– Ты жив, Баталин?

– Наполовину...

– Не понял, ранен, что ли? – заволновался интендант.

– Нет-нет, все в порядке, – поспешил он успокоить кадровика.

– Ну, добро. Я дам команду, на тебя оформят документы, и вперед к Хаджи. Волновался за тебя, академик, переживал... Случись чего, пришлось бы объясняться, каким ветром тебя занесло в сорок четвертую. Я-то считал все будет чики-пики, по-быстрому, а оно вон как обернулось.

Вечером Баталина вызвали в отделение кадров дивизии. Сказали, что получили команду, завтра к вечеру утрясут все вопросы, оформят документы, а утром ему приказано убыть к новому месту службы.

В первой половине дня 11 января Сергей побывал в вещевой, в продовольственной службе, получил аттестаты, паек в дорогу, забежал проститься к начальнику связи, с которым они в последние дни подружились.

Посидели, попили чайку, и тут застала их команда: «Строиться!» Зачем, почему, никто не знал. Роты были выведены на окраину деревни, в поле. Подразделения построились в каре. Начальник связи и Баталин стояли на правом фланге среди штабных командиров, интендантов, инженеров.

Военные спрашивали друг у друга, в связи с чем построение, но никто толком ничего не мог объяснить.

Вдруг строй зашелестел, зашевелился, и по нему побежал шепоток:

– Мехлес, Мехлис... Чуйков...

Сергей поднялся на носочки, увидел, как со стороны деревни, идут несколько человек. Впереди гордо вышагивал Мехлис. Баталин узнал его петушиную походку. В прошлом году Лев

Захарович приезжал к ним в академию, выступал. На шаг сзади него шел военный с петлицами генерал-лейтенанта. Это командующий Чуйков, понял Сергей. Дальше он узнал вчерашнего прокурора Холиченко, еще какого-то юриста, политруков.

Следом за ними, на некотором удалении, в сопровождении двух часовых медленно двигались комбриг Виноградов, полковник Волков, батальонный комиссар Пахоменко. Все с непокрытыми головами, без шапок.

Шинель командира дивизии была застегнута на все пуговицы, словно на строевом смотре. Начальник штаба шел широко распахнув полы, подставляя лицо колючему ледяному ветру. Начальник политотдела кутался, поднимая воротник.

Сергей пригляделся к Онуфрию Волкову, с которым провел несколько недель бок о бок. Казалось, начштаба постарел на несколько лет. Серое лицо, мешки под глазами, впалые щеки, заросшие щетиной. Темные полукружья под глазами. Полковник старался держаться, не опускал головы, а вот батальонный комиссар Пахоменко совсем сник. Поднятый воротник почти полностью закрывал лицо, и только квадратный желтый подбородок торчал из-под серого шинельного сукна.

На первый взгляд комбриг Виноградов был спокоен. И только крупная жилка у глаза нервно дергалась, словно комдив хотел подмигнуть стоящим в строю командирам и солдатам.

Строй замер, утих шепоток и шелест. Вперед вышел Мехлис. Он гордо вскинул голову и почему-то громко крикнул, хотя спокойно, без надрыва, сказанное слово было далеко слышно в морозном воздухе.

– Товарищи красные командиры и солдаты! Слово для оглашения приговора военного трибунала предоставляется военному юристу второго ранга Токанаеву.

От общей группы отделился высокий, нескладный юрист в длиннополрой шинели. Он сделал шаг, оказался впереди Мехлиса. Замешкался, отступил на полшага назад. Начал читать негромко, немного шепелявя, словно надоевшую, никому не нужную инструкцию.

– Приговор. Именем Союза Советских Социалистических Республик 1940 января 11 дня, военный трибунал 9-й армии Ленинградского военного округа в открытом судебном заседании в селе Вазженвары в составе: председательствующего военного юриста второго ранга Токанаева, членов – младшего военного юриста Федорова, старшего политрука Бородкина, при секретаре Ганкине с участием государственного обвинителя...

Сергей слушал, а взгляд почему-то не мог оторвать от Мехлиса. Ноздри члена военного совета раздувались от негодования. Казалось, он готов был вырвать из рук председателя трибунала приговор и, сгорая в пламенном гнев, показать всем, как он ненавидит трех руководителей соединения, ожидавших своей страшной участи на холодном ветру.

...Рассмотрел дело номер шесть по обвинению Виноградова Алексея Ивановича, рождения 1899 года, по национальности русский, женат, член ВКП(б) с 1930 года, уроженец Калининской области, Осташковского района, образование среднее, бывшего командира 44-й стрелковой дивизии, по званию комбриг, имеет орден Красного Знамени и медаль 20 лет РККА, не судим...

Баталин вспомнил, как однажды поздним вечером, начштаба Волков рассказывал ему о комдиве. Оказывается, Виноградову не было еще и двадцати, когда он вступил в Красную армию, ушел на фронт, воевал против Колчака, был ранен. Окончил курсы краскомов, опять воевал, против Махно, потом против Врангеля. Позже служил, прошел все должности от взводного до начальника штаба полка. Пять лет руководил штабом, в 1937-м получил под свою команду полк.

Был направлен в специальную командировку в Китай. По возвращении его назначили командиром дивизии.

– Слушай, под расстрел их, что ли, подводят? – толкнул в бок взволнованный начальник связи.

– Да нет, не может быть.

– А ты послушай, послушай, что бормочет этот предвоенный трибунал.

... Установил виновность Виноградова доказанной – услышал Баталин. – Своим преступным предательским руководством довел части дивизии до состояния небоеспособности... В самый ответственный момент, когда дивизия была в окружении белофиннов, оставил все основные силы дивизии без руководства...

Военюрист умолк, стараясь верхний лист, трепещущий на ветру, подложить под низ бумаг. У него ничего не получалось. Мехлис окинул предтрибунала рассерженным взглядом. Наконец тот справился с бумагами, продолжил зачитывать приговор.

– Виновность Волкова в том, что он состоял в должности начальника штаба дивизии, за тот же период времени своим преступно предательским руководством и бездействием создал условия, повлекшие за собой тяжкие последствия для дивизии... Тяжелые потери в людском составе и материальной части...

– Сейчас за комиссара возьмется, – сказал кто-то в строю позади Баталина. И действительно, военюрист в следующее мгновение прочитал.

– Виновность Пахоменко... своей преступной деятельностью, не обеспечением политработы в частях способствовал созданию паники, трусости...

«Да мы и без Пахоменко трусили, – пронеслось в голове Баталина. – Жить-то всем хотелось». Сергею как-то стало не по себе от такого неожиданного соображения. Он даже опасливо огляделся, не подслушал ли кто его крамольную мысль.

– На основании вышеизложенного, – военюрист сделал паузу, – военный трибунал девятой армии приговорил: Виноградова Алексея Ивановича... Волкова Онуфрия Иосифовича и Пахоменко Ивана Тимофеевича подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять... Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и в силу входит немедленно.

Баталин вдруг почувствовал, как он замерз на этом проклятом финском морозе. Дело не только в том, что заledenели руки, ноги. Холод заполз в душу.

Осужденных отвели шагов на тридцать от строя. Грянул залп отделения красноармейцев, и бывшие комбриг, полковник и комиссар упали навзничь в сугроб.

Кто-то скомандовал ротам: «Налево!», «Шагом марш!», и подразделения двинулись обратно в деревню. А Сергея не несли ноги. Он продолжал стоять на том же месте.

Тела трех расстрелянных остались охранять часовой. Баталин хотел подойти поближе, но солдат отрицательно покачал головой.

– Нельзя, товарищ воентехник. Не приказано пускать.

Смеркалось. Мела поземка, засыпая тела снежной крупой. Сергей повернулся и медленно побрел по дороге. Ему хотелось плакать. Он плакал. От боли, которая давила грудь. От мальчишеского бессилия. От обиды. От жалости ко всем, и живым и мертвым, попавшим на эту войну.

Глава 4

Дверь в избу, где располагался штаб особой лыжной бригады, была приоткрыта, и Баталин узнал голос майора Кузьмы Деревянко. Сергей только, что прибыл в часть и пришел представиться.

Начальник штаба говорил с кем-то по телефону. Чтобы не мешать, Баталин заходить не стал, решил дожидаться окончания разговора в сенях.

Деревянко диктовал своим низким хрипловатым баском: «Начальнику разведотдела Ленинградского военного округа комбригу Евстигнееву. Для обеспечения работы бригады прошу вас в срочном порядке направить в наш адрес следующее оружие: пистолетов-пулеметов сорок штук с запасом обойм, патронов к ним восемьдесят тысяч, пистолетов “Маузер” сто штук с деревянной кобурой, патронов к ним шестнадцать тысяч».

Майор сделал паузу, потом спросил:

– Записал?

И, видимо, получив утвердительный ответ на том конце провода, добавил:

– Внеси в этот список еще тридцать часов и пятьдесят финок. Подпись командира.

Баталин услышал, как опустил трубку начштаба, и только потом постучал в дверь, попросил разрешения войти.

– Товарищ майор! Воентехник второго ранга Баталин для дальнейшего прохождения службы прибыл, – доложил Сергей.

Кузьма Деревянко сидел за столом, уткнувшись в бумаги. Он поднял голову и удивленно посмотрел на вошедшего.

– Баталин?! Ты ли это? Мы тебя ждали.

Майор поднялся из-за стола, крепко пожал руку воентехнику.

– Могли не дожидаться, товарищ майор, – вздохнул Сергей. – Я же до Суомуссалми едва не дошел, а оттуда едва ноги унес.

– Вот это номер. Как же тебя угораздило? Присядь, объясни толком.

– В общем, перед тем, как отправиться к вам, получил я в академии направление. Там сказано: явиться в штаб 9-й армии. Ну что, явился. Мне в кадрах говорят: бригада Мамсурова только формируется, а 44-я дивизия срочно выдвигается на фронт. Нужен переводчик. Нужен так нужен. Я же человек военный. Так попал к Виноградову. С ним все и прошел от начала до конца.

– Что и при аресте присутствовал?

– И при аресте, и при расстреле.

– Вон оно как, – сочувственно сказал Деревянко. – Досталось тебе. Назад в академию вернуться не хочешь? Боевое крещение получил.

– Нет, товарищ майор, я же к вам просился, в составе бригады воевать хотел. А теперь вроде, как дезертирую.

Кузьма Николаевич усмехнулся и покрутил головой.

– Тогда садись, вот твой рабочий стол.

– Простите, товарищ майор, но я бы хотел в войска.

– Дух хоть переведи. Ты же только из войск, да еще из окружения.

Баталин напряженно молчал. Не желал он оставаться в штабе.

– Давай договоримся так, – сказал Деревянко, – Денька на два-три задержись. Поможешь мне с делами разгрестись. Потом отпущу тебя в войска. Сам выбирай, хочешь к Харитоненкову в первый отряд шагай, либо к Куличкову во второй, или в третий к Юржицу.

На том и порешили. Начальник штаба поручил Баталину, как он выразился, «посидеть на финской волне», то есть послушать, что говорит о нас радио противника. Сразу уточнил:

важны не только общеполитические разговоры, но прежде всего, конкретные сообщения о советских парашютистах, схваченных агентах, поскольку Разведуправление Красной армии уже осуществляло заброску разведчиков на территорию противника.

Первый же сеанс прослушивания принес свои результаты. Радио процитировало заметку корреспондента шведской газеты «Стокгольмс тиднинген». В ней сообщалось, что *«отмечено нововведение советских войск: применение парашютистов, которые должны уничтожать промышленные предприятия и дорожные сооружения. Парашютисты действуют маленькими отрядами семь-восемь человек, вооружены ручными пулеметами, снабжены радиопередатчиками и, естественно, одеты в форму финских солдат. Все эти парашютисты были или уничтожены, или взяты в плен».*

Поздно вечером прозвучало сообщение из Стокгольма: *«Вчера утром группа хорошо вооруженных диверсантов появилась в 15 километрах севернее города Кеми. Они были замечены финскими зенитчиками, которые немедленно высадили патрули на лыжах для встречи и атаки парашютистов. Ожесточенный бой произошел после того, как русские пытались продвинуться для того, чтобы взорвать железнодорожный узел и мост через реку. Русская группа была окружена финнами, и после ожесточенного получасового боя одна часть уничтожена, а другая захвачена в плен.*

Эти русские войска были снаряжены мешками с динамитом, большим количеством автоматических винтовок и легкими пулеметами».

Баталин задержался в штабе не на два-три дня, а на полторы недели. Дел действительно было невпроворот. Кроме постоянных сеансов прослушивания и перевода сообщений финского радио он проводил занятия с разведчицами-радиистками. В основном эти были девушки-добровольцы, окончившие краткосрочные курсы радисток. Комсомолки, патриотки, романтично настроенные, они мало представляли, что ждет их там, в снегах Финляндии. Конечно же на курсах им говорили об опасностях, но они не очень-то прислушивались к этим предупреждениям.

Самое главное, что пытался донести до них Баталин, это понимание исключительной ответственности, которая ложилась на плечи этих девчат. Ведь там, в отрыве от своих войск, если неожиданно выйдет из строя радиостанция, ей никто не сумеет помочь. Он давал необходимые профессиональные советы, проверял готовность станций к работе. Все, что мог в эти несколько дней. В общем, работал и ждал, когда же начштаба Деревянко вспомнит о нем.

А майор и не забывал о Баталине. Однажды вечером, перечитав телеграмму, пришедшую из штаба армии, Кузьма Николаевич сказал:

– Ну вот и все, Сергей. Собирайся. Сам замнаркома комдив Проскуров рекомендует отправить тебя в войска. Больше держать не могу.

– Шутите, товарищ майор.

– Какие шутки. Вот телеграмма. «По вопросу использования отряда полковника Мамсурова. Организовать деятельность мелких групп, а где надо и всего отряда. Следует отобрать необходимое количество настоящих финнов или... Внимание!»

Деревянко вскинул вверх палец.

«...или хорошо знающих финский язык для обеспечения отрядов добровольцев и студентов, убывающих с тов. Мамсуровым». И подпись. «Заместитель наркома обороны комдив Проскуров».

Начальник штаба вопросительно посмотрел на Сергея.

– Отряд выбрал?

– Мне все равно. Пойду в первый к капитану Харитоненкову.

Майор одобрительно кивнул:

– Хозяин – барин...

Глава 5

Группа разведчиков лейтенанта Владимира Мостыгина выслала двух бойцов в передовой дозор и теперь ждала их возвращения. Командир, выпускник Тамбовского пехотного училища, хоть и молодой, но осмотнительный, может, даже несколько медлительный, как показалось Баталину. Но пусть уж лучше осмотнительный, чем беспшибашный. Финны – враг серьезный. И воевать с ними надо умело, с головой. А вот умения нашим бойцам и командирам как раз и не хватает.

Команда Мостыгина десять человек, включая его самого и Баталина. Остальные бойцы – ленинградские спортсмены-добровольцы, лыжники, студенты. Сергея назначили заместителем командира группы. Начальник отряда капитан Григорий Харитonenков хотел назначить его командиром, да Сергей отказался. Тогда ему предложили стать заместителем и одновременно переводчиком. Баталин с радостью согласился.

Узнав, что он побывал в боях, выходил из окружения, товарищи по подразделению смотрели на Баталина, как на опытного, обстрелянного воина. Это, конечно, не совсем так. Хотя кое-какой, пусть и горький опыт, у него действительно был.

Накануне выхода в тыл врага в газете «Героический поход» он прочитал и выписал себе в блокнот такие слова: *«Чтобы стать дальним разведчиком, нужна не только храбрость. Она есть у многих. Не только нужно здоровье – им обладают десятки и сотни тысяч людей. Нужен характер. Нужен ум. Живая сообразительность. Верная преданность боевому товарищу. И, как венец всего, глубочайшая бесстрашная преданность Родине».*

Хорошие, верные слова. Только, пожалуй, корреспондент П. Павленко, написавший статью, несколько хватил лишку. Столько качеств в одном человеке... Впрочем, в газете автор нарисовал скорее образ такого идеального разведчика. Так что есть к чему стремиться.

Задача, поставленная их группе звучала коротко и ясно – работа по дезорганизации движения в ближайшем тылу противника на дистанции 30–60 километров. Они уже выдвинулись, по собственным прикидкам, на полсотню километров. Противника встретили только один раз. Обнаружили издали. Залегли. Мимо них вдалеке прошла рота финских солдат. Силы были явно не равны, и командир принял решение себя не обнаруживать. Ушли незамеченными.

Правда, нашлись горячие головы, которые упрекнули Мостыгина в бездействии. Он пресек разговоры и приказал двигаться вперед. На привале командир группы развернул карту.

– Во избежание неожиданных встреч с финскими шюцкоровскими отрядами пошлем вперед дозор. Двух человек.

Он приглушенно, почти шепотом позвал:

– Куренцов и Коскинен, ко мне.

Мостыгин поставил задачу провести разведку на глубину в три километра и прибыть обратно. И вот теперь группа ждала возвращения дозора.

Прошло еще полчаса томительного ожидания. Наконец фигуры бойцов в белых масках латах замелькали среди деревьев.

– Товарищ лейтенант, – доложил Куренцов, – в двух километрах впереди хорошо накатанная зимняя дорога. Мы прошли вдоль нее. Не может такая дорога вести просто в лес. Привела она нас... К дому.

Боец сиял, словно обнаружил вражескую батарею. Мостыгин и Баталин не поддерживали веселье солдата.

– И что, Куренцов? Чего ты цветешь, как майская роза. Любая дорога ведет к какому-нибудь дому.

– Это так, товарищ командир, но не у каждого дома у крыльца стоит часовая. А в дом постоянно заходят и выходят люди. По-моему военные, хотя мы не уверены, далековато было.

Да и зимник укатан основательно. Такое впечатление, что по нему ездят машины. Правда, при нас ни одной машины не проехало.

– Вот это уже интересно. Надо бы прощупать этот... – Мостыгин запнулся, видимо, подбирая характеристику дому.

– Одиноким дом, – поспешил подсказать ему Куренцов.

Лейтенант укоризненно покачал головой.

– Одиноким бывает только вдова, как любил говаривать в училище наш преподаватель тактики. А дом – отдельно стоящий.

– Володя, – сказал Баталин, – давай-ка я с кем-нибудь из ребят осторожно сползаю к этому загадочному дому. Постараемся подобраться максимально близко. Зароемся в снег, посмотрим, послушаем: кто входит-выходит, что говорят.

– Добро, – сказал лейтенант. – Бери Коскинена, он парень крепкий, дорогу знает – и вперед. Только прошу тебя, Сережа, без спешки, спокойно. Себя не обнаружьте. Разведайте его со всех сторон. Есть ли какие-то огневые точки. Часовой у входа один. Отходы, подходы. Лес, овраги... В общем, все до мельчайших подробностей.

Разведчики двинулись в путь. Шли молча. Передвигаться было тяжело. Лыжи утопали в мягком снегу.

– Хотя бы кто лыжню проложил, – усмехнулся Коскинен.

– А мы сейчас шюцкоров попросим, – ответил в унисон Баталин. Его так и подмывало спросить, действительно ли Коскинен финн. Хотелось поговорить по-фински с носителем языка, если, конечно, он носитель. Дорога длинная, нудная, Сергей терпел, терпел и не выдержал.

– Слушай, Пааво, ты действительно финн?

Коскинен вопросу не удивился. Видимо, не впервой отвечать. Приостановился, оглянулся, усмехнулся.

– Финн, не сомневайся. Русский финн...

– Однако язык финский знаешь?

– Я хоть и русский, но финн. Как же мне не знать родного языка. Вот у тебя один родной язык, а у меня – два.

– Скажи что-нибудь по-фински...

Пааво только руками с палками взмахнул: надо же, проверяет. И все-таки ответил по-фински.

– Дурацкие у тебя вопросы...

Вот услышал Баталин носителя языка, как хотел. Впрочем, ответ Пааво ему очень понравился. Значит, неспроста он три года бегал на курсы по вечерам. Теперь пора и ему удивить Коскинена.

– Почему дурацкие? – не согласился Баталин. Произнес он эту фразу конечно же на родном языке Пааво.

Коскинен явно не ожидал такого. Не так часто увидишь военного, русского, да еще технаря, который говорит по-фински. Даже на Советско-финской войне.

– Это ты, что ль, сказал, Баталин? Или мне почудилось? Ты, чего, тоже финн? Или косишь под финна?

– Пааво, если ты русский финн, то я просто финский русак.

Они прыснули со смеху. Баталин, оглянувшись, приложил палец к губам.

– Ладно, как-нибудь на досуге погитарим, так, кажется, говорит наш начштаба. Ты меня убил, просто сразил наповал, товарищ воентехник.

Через полчаса ходьбы Коскинен, идущий впереди, предупреждающе вскинул руку. Сергей и сам, сквозь просветы между деревьями, увидел большой дом. Стоял он непривычно, не

по-русски, входом прямо к дороге. На его родной Смоленщине, к примеру, ставят дома либо вдоль улицы, либо «лбом» то есть центральной частью к ней. А вход располагают со двора.

Может, это вовсе не жилой дом, а какое-то административное здание или штаб. «Штаб. Неужели штаб? – подумал Сергей. – Это большая удача. Только вряд ли, далековато в лес забрался. А если это штаб дивизии? Нет, скорее всего, тут расположились какие-то тыловые крысы. Подальше от фронта».

– Ну что, Пааво, за работу, – обратился он к Коскинену, – я со стороны дороги, ко входу, а ты с тыла.

Тот молча кивнул и скрылся в лесу. Баталин пополз. Как же тяжело ползти с лыжами. Ходить на лыжах любил, но вот ползать... Да он попросту никогда в них не ползал. Представить себе не мог, нечто подобное. У них в академии физическая подготовка была чуть ли не ведущим предметом. А поскольку Ленинград – северный город, лыжной подготовке придавалось особое внимание. Слушатели ходили на лыжах много. Но вот такой элемент, как переползание на лыжах, не отработывали. Так что хочешь не хочешь, а есть чему поучиться у финнов.

Баталин передвигался медленно, как сказал бы его преподаватель по огневой подготовке, в час по чайной ложке. Это он учил своих курсантов выходить на позицию по-снайперски. Сергей не собирался быть снайпером, но будучи дисциплинированным человеком, добросовестно учился всему, чему учили. И, видишь, пригодилось.

Он подполз так близко, что невооруженным глазом хорошо видел часового у входа. Если бы их поставить рядом, Сергей в своей финской форме мало чем отличался от вражеского солдата. Серая шинель, вместо перчаток кожаные рукавицы, на ногах высокие шюцкоровские сапоги с загнутыми носами, как их называют местные, – пьексы. Только маскхалат у него настоящий, а у часового – белая простыня с разрезом для головы, наброшенная поверх шинели. Да и автомат у него другой, а у финна – «Суоми» с небольшим магазином на двадцать патронов.

Кстати, наличие такого автомата у простого часового тоже насторожило Баталина. Это довольно редкая штука на фронте.

Сергей лежал, зарывшись в снег под большой развесистой елью, разлапистые ветви которой спускались к самой земле. Позиция была удобная. Он слышал, как переговаривались подъезжавшие к дому в санной повозке какие-то военные. Когда они двинулись к входу, Баталин разглядел на шапках кокарды со львом, которые финны между собой называли клубничкой. Без сомнения, это были офицеры.

Потом подъехали верховые конные. Спешились и тоже зашагали в дом.

Из-за угла дома появился какой-то солдат, громко спросил у часового:

– Хенрикки, командир на месте?

Трудно сказать, о каком командире шла речь, но Баталин уже не сомневался – перед ними, скорее всего, вражеский штаб, либо какое-то административное здание финской армии.

По сути, это была большая деревянная изба, рубленая из сосны, с четырьмя большими окнами, расположенными на этой стороне. Покатая крыша, крытая дранкой, окно над центральным входом. Туда вполне можно установить пулемет. Скорее всего, он там уже установлен и дожидается своего часа. Но он не страшен их группе. Не пойдут же они в лобовую атаку. А в остальной крыше окон нет.

Все-таки должно быть еще одно пулеметное гнездо. Возможно, Пааво с той стороны что-нибудь разглядит.

Сергей взглянул на часы. Время летело стремительно. Пора возвращаться.

В точке сбора его уже ждал Коскинен.

– Что думаешь, Пааво? – спросил Баталин.

– А что тут думать-гадать, товарищ воентехник, и дураку ясно, не сельский же это магазин. Штаб, конечно.

– С чего ты решил?

– Большого ума не надо. Во-первых, дорога, капитальная, накатанная, и не просто зимник, но, уверен, летом тоже используется. Идет от фронта в глубь территории. Во-вторых, если это занюханный дальний хутор, какого черта здесь весь день крутятся военные, в основном офицеры. Наконец, зачем у входа в хуторскую хату выставлять часового, а на чердак сарая, который рядом с домом, устанавливать пулемет.

– Разглядел второй пулемет?

– Все разведал, товарищ воентехник. Ночью грохнем белофиннов так, что земля содрогнется.

Возвратившись к своим, Баталин и Коскинен подробно доложили командиру.

– Это все? – засомневался Мостыгин. – Что-то слабо он охраняется для штаба. Часовой, две пулеметные точки...

– Штаб далеко в тылу. К ночи, я уверен, охрану усилят, пустят часового или двух вокруг штаба. Не танковый же батальон держать на охране в такой глубине.

Осторожного Мостыгина удалось убедить. Баталин в блокноте нарисовал схему расположения объекта, направление атаки, пути отхода.

– Слушай боевой приказ, – сказал командир группы. – С наступлением темноты пятерка Куренцова обходит штаб, и в условленный час забрасывает окна гранатами. Один из бойцов работает только по пулеметчику.

Наша пятерка атакует штаб одновременно с Куренцовым с северной стороны. У нас четыре окна. Предварительно снимаем часового. После этого быстро отходим. Думаю, что преследование неизбежно. Нет точных данных, что находится в соседнем строении. Но предполагаю – это или казарма взвода охраны или караульное помещение.

Лейтенант посмотрел на часы.

– Выступаем в 19 часов. А сейчас проверьте оружие, гранаты, подгоните ремни, амуницию.

В назначенное время разведчики начали выдвижение. Шли молча. Только снег скрипел под лыжами. Через полчаса ходу впереди за деревьями замелькали огоньки – это светились окна вражеского штаба.

Группа разделилась надвое. Пятерка Куренцова стала забираться влево, чтобы лесом обойти расположение штаба. Ночь темна. В лесу еще темнее. На выходе пятерка Мостыгина залегла. Внимательно следили за окнами штаба.

– Товарищ командир, – прошептал Коскинен, – вижу часового.

– Готов? Тогда вперед, боец, – приказал лейтенант.

Пааво двинулся не сразу, полежал, уткнувшись лицом в снег, потом вытер ладонью мокрое лицо и перевалил через гребень сугроба. Мостыгин, Баталин и два разведчика замерли, ожидая развязки. Теперь все зависело от Коскинена: сможет снять часового без шума, это уже первый шаг к успеху.

Медленно текли минуты. От волнения кровь гулко стучала в висках. Разведчики выдохнули, когда услышали тихий посвист, похожий на крик далекой птицы. Это был условный сигнал. Они вскочили, бросились вперед, к штабу. Гранаты полетели в светящиеся окна. Раздался взрыв, второй, потом все слилось в единый грохот. Из окон вырвалось пламя, дикие крики людей оглашал лес. С другой стороны штаба раздались автоматные очереди. Куренцовская пятерка вступила в дело.

Бой был скоротечным, но страшным. Из окон стали выпрыгивать люди, словно горящий дом выплевывал из своего чрева обожженных, раненых, оглохших, но еще живых. Их тут же встречали автоматными очередями, и тела убитых зависали в горящих проемах окон.

– Отходим! – крикнул командир, когда услышал, что со стороны противника стали доноситься не только стоны и крики, но и отрывистые команды, пулеметные и автоматные очереди.

Белофинны приходили в себя после неожиданного удара. Судя по всему, взвод охраны вступил в бой.

– Быстрее, ребята, в лес!

Разведчики бросились к лесу, и, казалось, сейчас он бесследно поглотит их. Однако их заметили, сзади прозвучала не команда, а звериный рык финского офицера:

– Догнать и убить каждого!.. Каждого!..

Баталин огляделся. Никто не просил перевести с финского. Все понимали без перевода.

Враги, видимо, рассчитывали на скорую победу. Ведь они были прекрасными лыжниками и всегда настигали русских диверсантов. Но тут отлаженный механизм преследования неожиданно дал сбой. Пятеро русских уходили от преследования мастерски, мощно взвинчивая темп. Кроме того, тактически они действовали очень грамотно. Двое диверсантов прикрывали отход тройки, а затем догоняли ее. В свою очередь, тройка прикрывала товарищей.

Они прекрасно стреляли, эти русские. Преследователи несли потери. В их рядах уже было несколько раненых и убитых. Это сбило спесь непобедимых финских воинов. Темп преследования угасал. Однако рык финского разъяренного командира гнал солдат вперед. Лес был наполнен криками финнов, треском очередей, свистом пуль.

Неожиданно вскрикнул Мостыгин и рухнул как подкошенный на бегу.

Рядом, из-за дерева, вел огонь Коскинен.

Баталин рванулся к командиру. Тут на его глазах Пааво схватился за руку, медленно осел на снег.

– Борис! – закричал Сергей бойцу Правдину. – Коскинен ранен!

Воентехник подбежал к Мостыгину.

– Ногу, ногу ударило, – шептал стиснув зубы лейтенант.

Сергей выхватил нож, разрезал штанину. Разорвал зубами перевязочный пакет, туго наложил бинт, сняв с себя португейный ремень, перетянул ногу.

– Подняться сможешь? – спросил Баталин, краем глаза видя, как Правдин перебинтовывает руку Коскинену.

– Да хрен ее знает, попробую.

Баталин подставил плечо, лейтенант схватил его за шею, тяжело поднялся. Они попытались идти, но это плохо получалось. Мостыгин сползал с плеча, Сергей его подхватывал, тащил два-три шага, и сам оседал под тяжестью тела раненого командира группы.

Правдин рядом тащил Коскинена.

Теперь их прикрывал один Филин. На вражескую канонаду он откликался короткими очередями. Надо было что-то предпринимать. Но что?

– Командир! – подбежал разгоряченный боем Филин. – Уходите, я вас прикрою.

– Нет, Николай, нельзя... Отходим вместе... – прохрипел лейтенант.

– Нам иначе не уйти, товарищ воентехник, – обратился боец к Сергею. Баталин согласно махнул: давай Коля. Он вытащил из подсумка гранату и передал Филину.

– Последняя, держи.

– Может, не надо, оставьте себе на всякий пожарный.

– Это и есть самый пожарный.

Два других бойца молча протянули Николаю по гранате.

– Теперь я вооружен до зубов, – пошутил Филин и, развернувшись, не прощаясь, зашагал навстречу врагам.

Баталин подхватил лейтенанта, Правдин – Коскинена и они потащились вперед. Разведчики уходили все дальше, прислушиваясь к трескучим очередям за спиной.

«Одна граната», – считал Сергей. Следом за взрывом стучал, стучал филинский автомат. Вновь обрывались звуки, наступала тишина. Сердце заполняла тревога: неужели все. Вдруг вновь долетало знакомое «та-та-та». Жив, курилка, жив. Еще один разрыв гранаты, и опять

ночное безмолвие. Но вот пущена в ход третья граната, за ней короткая очередь, все окончательно стихло.

Теперь они шли в полной тишине. Сделали привал, перевязали командира и опять в путь. Однако вскоре стало ясно – им не под силу одолеть многокилометровый путь по заснеженному лесу к своим. На очередном привале лейтенант Мостыгин сказал вслух то, о чем думали остальные.

– Что-то мы не то делаем, ребята. Надо строить шалаш, маскировать его, мы с Пааво остаемся. А вы идете к своим и возвращаетесь с подмогой.

Баталин с Правдиным обшарили округу, нашли подходящую яму. Нарубили лапника, выстелили им низ ямы, уложили туда раненых, верх закрыли ветвями деревьев, оставив небольшой лаз. Сергей передал командиру оставшиеся у него галеты.

– Все, мужики, ждите. Мы вернемся за вами.

Они двинулись к своим. Шли всю ночь. Дальняя дорога по лесу, холод, мороз, и хоть они не были ранены, но силы разведчиков иссякли. Утром их заметила группа бойцов из второго отряда. Нашла в поле, когда они сели передохнуть. Обоих привезли в расположение части на санях.

У Баталина поднялась температура. Он не знал, что специально снаряженная группа ушла на поиск оставленных в лесу. Однако разведчики вернулись под утро ни с чем. Найти шалаш Мостыгина и Коскинена не удалось.

Сергей узнал об этом только утром, когда его пришел проведать командир отряда капитан Харитonenков.

– Товарищ капитан, Григорий Самсонович, – разволновался Баталин, – замерзнут же ребята.

– Не замерзнут. Мы снаряжаем новую группу. Включили туда самых опытных, из тех, кто знает лес, – успокаивал его капитан.

– Я знаю этот лес. Сам устраивал шалаш. Мне непременно надо идти.

– Куда ж тебе, бедолага. Едва пришел в себя.

– Иначе нельзя. Если эта группа не найдет, тогда все, конец Мостыгину и Коскинену.

Командир отряда вздохнул:

– Не дойдешь ты, Баталин. И врач категорически против.

– Прикажите группе взять волокушу. Не смогу идти, подвезут, дотащат. Бойцы молодые, сильные, спортсмены. Зато точно найдем ребят.

Харитonenков согласился. Приказал следить за самочувствием Баталина. Тащить, нести, главное, чтобы вывел на раненых.

Когда группа наконец нашла лежку, лейтенант Мостыгин находился без сознания, Коскинен держался из последних сил. Их доставили в подразделение, потом срочно перевезли в госпиталь. Вместе с ними угодил в госпиталь и Баталин. Новый поход в тыл не прошел даром: вновь поднялась температура, врачи поставили диагноз – пневмония легких.

Поскольку лежали они в одном госпитале, Пааво Коскинен часто приходил к Баталину. Спускался этажом ниже, заходил в палату, протягивал свою большую ладонь и широко улыбался.

– Здорово, мой дорогой спаситель.

Баталин неизменно отвечал ему по-фински.

– И тебе не хворать, мой боевой финский друг.

Иногда все происходило наоборот: Пааво приветствовал его по-фински, Сергей отвечал по-русски. Соседи по палате с удивлением смотрели на этих двух, то ли русских, то ли финнов. Разведчики устраивались поудобнее и подолгу говорили друг с другом.

После лечения Баталину было приказано явиться в штаб армии. Его встретил старый знакомый кадровик интендант 2-го ранга Шкурко.

– Здорово, герой! Опять отличился. Так и тянет тебя на подвиги, – улыбался кадровик.
– Какие подвиги?

– Не скромничай, Баталин. В дальнем рейде сражался, штаб вражий громил, сам погибал, а товарищей выручал. В конце концов, это не моя оценка, а твоих командиров.

Он вытащил из синей ледериновой папки какой-то документ, протянул его Сергею.

– Не положено, но так и быть по старой дружбе, читай.

Воентехник прочел сверху: «Наградной лист». И дальше – «Фамилия, имя, отчество, звание, должность, часть». Баталин Сергей Иванович, переводчик особого лыжного отряда, представляется к награждению медалью «За отвагу».

Баталину стало жарко. Он, не веря глазам своим, перечитал еще раз: «... к награждению медалью “За отвагу”». А ниже строка: «Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг». «Какого подвига? – не понял Сергей. «Тов. Баталин, – побежали слова, – был отобран комиссией из числа ленинградских добровольцев, как один из лучших. В особом лыжном отряде 9-й армии сразу же проявил себя образцовым воином.

Действуя в далеком тылу противника, совершая большие тяжелые переходы с боями в очень сложных боевых условиях, тов. Баталин проявил себя, как энергичный и преданный нашей социалистической Родине, как боец и командир.

В разведываемом районе западнее Кухмониemi группа в составе которой действовал тов. Баталин, разгромила штаб крупной белофинской части. В ходе отхода, когда был ранен командир, тов. Баталин возглавил группу, которая, отступая нанесла большие потери противнику...»

– Наслаждался? Все, хорошего понемножку, а то еще нос задерешь, зазнаешься.

Интендант забрал наградной лист, перевернул страницу.

– Какие люди подписали твой наградной! Гордись! Командир особого лыжного отряда полковник Мамсуров, военком старший политрук Черемных, начальник разведотдела штарма девять полковник Соколов, военком разведотдела батальонный комиссар Донской. Так что крути дырку для медали.

Шкурко встал, пожал руку Баталину:

– А теперь, герой, за парту. Нам нужны не только смелые диверсанты, но и грамотные инженеры.

Сергей Баталин возвратился в родную академию. Через несколько месяцев, летом 1940 года, он защитил диплом, привинтил к петлицам по третьему «кубарю», став воентехником 1-го ранга. Ему приказали явиться в отдел кадров Разведуправления по адресу: Москва, улица Карла Маркса, дом 17. Здесь он получил предписание убыть в свою первуюграничную командировку в Китай.

Глава 6

Поезд устало замедлил ход, жалобно заскрипев тормозами. Лязгнули сцепки вагонов, и лязг этот, словно тревожный звонок, побежал от головы эшелона к хвосту, извещая пассажиров об остановке.

Краснолицый, крупный мужик скатился с верхней полки и, протирая заспанные глаза, бросился к вагонному окну.

– Знать, приехали? Куйбышев?

– Да нет, – остановил его молодой парень в кургузой, поношенной вельветовой курточке, – какой-то полустанок.

В вагоне установилась тишина, пассажиры слышали, как хлопнула входная дверь. Мужской осипший голос поздоровался с проводницей, представился:

– Комендантский патруль. Проверка документов.

Краснолицый достал из-под полки мешок, развязал затянутый узел, вытащил документы, бережно завернутые в газетку. Парень в вельветовке запустил за пазуху руку, отыскивая паспорт. И только молчаливый пассажир на второй полке не шелохнулся. Наверное, спал.

Патруль, молодой лейтенант, еще в новой, по-видимому, недавно выданной гимнастерке с кобурой на боку и два солдата с винтовками шли по вагону. Им протягивали документы, лейтенант, слегка шевеля губами, вчитывался в фамилии, иногда задавал однотипные вопросы: «Куда следуете?», «Ребенок с вами?» и, получив ответ, удовлетворенный возвращал паспорта, двигался дальше. Солдаты молча следовали за ним.

Проверив документы у краснолицего мужика, у парня в вельветовке, лейтенант похлопал по спине лежавшего на второй полке пассажира.

– Товарищ, проснитесь. Ваш паспорт.

Пассажир повернулся к начальнику патруля и позвал его подойти ближе:

– Можно вас...

Лейтенант, с недоверием оглянувшись на солдат, пододвинулся поближе. Пассажир что-то зашептал ему на ухо.

– Вы что? – отпрянул начальник патруля и схватился за кобуру. Солдат, стоявший за спиной, скинул ружейный ремень с плеча.

– Спокойно, спокойно... – вытянул ладонь вперед пассажир.

– Быстро одевайтесь, и на выход, – скомандовал лейтенант.

Пассажира конвоировали из вагона, тут же произвели досмотр. Каково же было общее удивление, когда лейтенант вытащил из нагрудного кармана досматриваемого... пистолет. Начальник патруля отскочил от пассажира как ошпаренный, выхватил из кобуры оружие.

– Руки вверх! – заорал лейтенант. – Руки!

Солдаты вскинули винтовки.

– Товарищ лейтенант, я все объясню... – Пассажир пытался вразумить и успокоить разбушевавшегося начальника патруля.

– Молчать. Что ты объяснишь! Без документов, с пистолетом в кармане, в поезде на Москву...

– Это же шпиён, товарищ лейтенант, – прошипел за спиной солдат, – немецкий шпиен, сука. К стенке его прямо здесь по законам военного времени.

– Лейтенант, – стараясь говорить как можно спокойнее, позвал пассажир, – пусть солдаты отойдут на пять шагов. Я все тебе объясню...

– На двадцать не хочешь? Нашел дурака.

– Отведи меня к своему командиру.

– Может, тебя еще в Москву отвезти, в столицу нашей Родины, куда ты, падла немецкая, стремишься...

Пассажир молчал. Реакция лейтенанта была понятна. Немецкие самолеты уже бомбили советские города. Патрульных заинструктировали до посинения. Началась шпиономания.

– Вперед! – скомандовал лейтенант. – Силин – слева, Голомазов – справа. Если дернется, стрелять на поражение.

«Твою мать... – выругался про себя пассажир. – Попал». Он вспомнил инструктаж перед отъездом, его беспокойство по поводу того, что отправляется в путь без документов, да еще с оружием в кармане, в штатской одежде. Но тогда командир твердо сказал: «Не волнуйтесь. Вы же по своей территории поедете. Если у кого-либо появятся вопросы, не раскрывая себя, попросите позвонить в Москву по телефону. Телефон знаете?»

Запомнил он телефон, да что толку. Тут до телефона не доберешься, поставят к забору и шлепнут.

С другой стороны, его прежнего командира понять можно. Откуда было знать, что в тот день, когда он пересечет советско-китайскую границу, начнется война. Своя территория оцепится штыками. И таких вот патрульных будут ориентировать на поиск шпионов. Они, как и положено дисциплинированным воинам, станут искать их в каждом подозрительном.

Правда, если пораскинуть мозгами, то ясно, как белый день, что шпиона не пошлют с пистолетом и без документов в тыл противника. Если надо, немцы сделают такие бумаги, хрен подкопаешься. Но откуда знать об этом молодому лейтенанту, даже не успевшему еще обмять свою новенькую, со склада, гимнастерку, тем более солдатам. Для них он уже однозначно фашистский диверсант, стремящийся в Москву подорвать Кремль. Только, видимо, приказ у них все-таки не сразу «шлепать» подобных подозрительных, а куда-то доставлять. В этом его спасение.

Дорога вдоль железнодорожного полотна заняла с полчаса. Вскоре они подошли к воротам какой-то воинской части. Начальник караула проводил задержанного на местную гауптвахту.

Дверь камеры захлопнулась, и пассажир остался один на один с собой. «Да уж, воин-интернационалист, – горько подумал он, – не такого приема ожидал на Родине». Впрочем, это полбеды. Его занимало другое, чтобы начальник того бдительного лейтенанта оказался поумнее да поопытнее своего подчиненного. О том, что его вызовут к местному начальству, не сомневался. В конце концов, не каждый день здесь, в тихом тыловом Куйбышеве, ловят немецких шпионов.

И, вправду, не прошло и четверти часа, как открылась дверь, на пороге вырос старшина, видимо, служитель гауптвахты.

– На выход, – устало бросил он и, сняв с плеча винтовку, предусмотрительно отступил в глубину коридора. – Руки назад!»

Старшина под конвоем провел его в штаб, остановился у двери с табличкой: «Майор Арлашин». Постучал, приоткрыл дверь.

– Разрешите, товарищ майор? Задержанный доставлен.

– Заводи, старшина...

Арлашин высокий, худой, чернявый. Стоял, склонившись над столом у окна, курил. Казалось, не замечал вошедшего.

– Пистолет твой? – неожиданно спросил он. Потом медленно повернулся, опустился на стул, достал из ящика стола пистолет Баталина.

– Мой...

– Откуда?

– Ответить не могу...

– А что можешь?

- Прикажите телефонистке набрать Москву.
- Москву? – Брови майора удивленно взлетели вверх.
- Да, Москву, телефон К-5—30—00.
- Это что за номер?

– Телефон коммутатора Генерального штаба.

Майор поднялся из-за стола, набычился.

- Ты что несешь? Может, тебе еще коммутатор товарища Сталина набрать?

– Если надо будет, то и коммутатор товарища Сталина наберете.

– Ты кто такой, черт возьми? – позеленел Арлашин. – Отвечай. Война идет. Немец топчет нашу страну, города горят, люди гибнут. А ты с оружием, без документов в Москву прорываешься...

– Я командир Красной армии. Выполнял специальное задание. Прикажите набрать номер.

- Фамилия?

– Баталин... Сергей Иванович...

Майор опустил на стул.

– Молись, Баталин, или кто ты там, чтоб на этом номере тебя знали. Иначе расстреляю собственной рукой.

Арлашин погрозил костлявым кулаком и приказал увести задержанного.

Старшина увел задержанного. А майор задумался. С таким борзым военный комендант сталкивался впервые. Какой-то бред, да и только. Сейчас он позвонит по этому телефону в Генштаб, представится, мол, комендант из Куйбышева, задержали гражданского, с оружием, без документов. Не ваш ли? Да его за идиота посчитают.

– А что тут думать-гадать, – сказал он вслух, – позвоню-ка я в НКВД. Пусть разбираются, кто таков этот пассажир: шпион не шпион.

...Баталин огляделся. Вновь та же камера, деревянные нары. Обычная армейская гауптвахта. Хотя, откровенно говоря, за всю свою службу в Красной армии ему не приходилось проводить время на «губе». В военной академии он ходил в отличниках, дисциплину не нарушал. В Разведуправлении, куда попал после выпуска, ни о чем, кроме службы, думать было некогда, в командировке в Китае, откуда он теперь возвращался, и подавно. Работа днем и ночью, и гауптвахта, окажись она рядом самым фантастическим образом, могла сойти за местный санаторий. Хоть отоспаться можно было. Но вот, поди ж ты, жизнь непредсказуемая штука. Сегодня только за один день он успел побывать и в роли шпиона, и попариться на нарах.

Шутки шутками, а внутри затаился гадкий холодок: а вдруг действительно в управлении, на телефоне, который он назвал майору, никого не окажется. Или окажется какой-либо новенький, который и слухом не слыхивал о нем. А может и вовсе случится что-нибудь нештатное, ведь все эти звонки, телефоны хороши были в мирное время, а теперь уже несколько дней идет война... Что там творится в его службе, в Москве, одному богу известно. А этот майор Арлашин злой, ядовитый, у такого рука точно не дрогнет.

Сергей брякнулся на нары. Как все-таки глупо влип. Черт возьми, действительно немцы уже топчут нашу землю. Провожая, командир говорил: «Езжай быстрее, тебя очень ждут в Москве», а он валяется здесь, в каком-то Куйбышеве на вонючих нарах, и его обещают поставить к стенке.

Хотелось есть, но, судя по всему, кормить его не собирались. Да и какой еды предложить шпиону? Разве что яду.

Баталин сел, тряхнул головой, стараясь понять, спит ли он, бредит ли. Странная штука память, неожиданно всплывает что-нибудь совсем не к месту.

Прошел почти год с тех пор, как он приехал в Китай. За это время произошло столько событий, что первую свою встречу с гоминьдановскими генералами он почти не вспоминал.

Хотя встреча была очень яркая, особенно для него, вчерашнего выпускника советской военной академии, который не очень-то разбирался в тонкостях наших взаимоотношений с китайцами.

А попал Баталин, что называется, с корабля на бал. А если быть точнее, на банкет, который устраивал наш военный советник по артиллерии. Приглашены четверо китайских генералов во главе с генерал-полковником. Трое пришли вовремя, а генерал-полковник задерживался.

После нескольких рюмок спиртного советник завел патефон и поставил пластинку с Ворошиловским маршем. Зазвучала бравурная мелодия. Один из китайских генералов, набывшись, слушал марш. Было видно по всему, что ему не нравилась такая музыка. Правда, на это никто не обратил внимания. Вдруг он вскочил со своего места, сбросил патефон на пол, визгливо закричал: «Сулян! (что значит советский). Вас всех надо убить!» В следующую секунду генерал набросился на нашего военного советника, повалил его на пол. Другой генерал попытался достать из кабуры пистолет.

Баталин вместе с шифровальщиком находились в соседней комнате. Услышав шум и крики, они бросились на выручку советнику. Сергей выхватил браунинг, и готов был разрядить его в гомиьндановских генералов, оставив последний патрон себе.

К счастью, в эту минуту на пороге зала появился запоздавший генерал-полковник. Он подал какую-то команду, генералы прекратили возню и быстро покинули банкет.

Военный советник пришел в себя после таких агрессивных гостей и, видя взволнованного, но решительного Сергея с пистолетом в руке, сказал:

– С боевым крещением тебя, Баталин!

Сергей промолчал, не зная, что ответить старшему начальнику. Право же совсем не таким виделось ему боевое крещение. Но, как говорят, что было, то было... Почему этот случай вынырнул из памяти именно сейчас, казалось бы, в самый неподходящий момент, он, откровенно говоря, в толк не мог взять.

Воентехник встал, прошелся по камере, попытался сделать упражнения, отжаться от пола. Правда, такая зарядка не помогала подъему настроения. Начала кружиться голова. Зверски хотелось есть.

«Когда же он дозвонится, этот комендант?» – спрашивал себя Баталин. Вдруг его осенила страшная догадка: неужели самые дурные его опасения сбылись, и на телефоне в управлении никого нет.

Он устало опустился на деревянные нары. «Ну и как теперь доказать, что ты не верблюд?»

Тяжелые мысли прервал металлический лязг засова. Двери камеры распахнулись, и в коридоре гауптвахты Баталин увидел двух людей в форме НКВД. Сзади из-за их спины выглядывала тощая физиономия коменданта. Сергей только и успел подумать: «Ни хрена себе, а эти зачем здесь?» В ответ на столь глупый вопрос, кто-то словно издевательски шепнул ему на ухо: «По твою душу, милоч. По твою...»

Двое вошли в камеру. Фуражки василькового цвета с краповым околышем, щит с мечом на левом рукаве. Серьезные насупленные физиономии. Баталин взглянул на эмблемы: лейтенант и сержант госбезопасности.

– Это твой шпион? Чего он у тебя такой чистенький? – спросил лейтенант. – Со шпионами надо обращаться по другому.

Комендант промычал что-то невнятное. Впрочем, вопрос был риторический.

– Арлашин! – приказал энкавэдэшник. – В машину шпиона!

Майор суетливо выскочил из-за спины лейтенанта, толкнул Баталина.

– Вперед! Иди, шагай, там разберутся, кто ты такой.

Воентехника усадили в машину. На переднее сиденье опустился лейтенант, рядом – сержант. Через четверть часа петляния по улицам города они подъехали к большим железным воротам, окрашенным в грязно-зеленый цвет. «Вот и местная Лубянка», – подумал про себя

Сергей. Нахождение здесь не предвещало ничего хорошего. Все складывалось как-то непонятно и странно: казалось бы, он ни в чем не виноват, в то же время виноват во всем. Тут можно повернуть по-всякому. Но почему комендант не позвонил в Москву? Это же один звонок – и все выяснится. Вместо звонка в Генштаб майор сдал его в НКВД. Почему? У них что дел мало? Война.

Баталина под конвоем препроводили в камеру. Он прилег на металлическую кровать без матраца, вытянул ноги, задремал. Опять привиделось ли, приснилось ли. Они едут на машине в Сучжоу, где располагался радиоузел, останавливаются, чтобы передохнуть. Из горных пещер к ним бегут китайцы. Он до сих пор помнит мурашки, побежавшие по спине: нечесанные, немые, в грязных лохмотьях, больные. Китайцы окружили их. Сергей был потрясен.

Казалось, он, деревенский парень из Смоленской глубинки, повидал разное. Выросший в самые сложные, неблагоприятные послереволюционные, послевоенные годы, познал и холод, и голод, и крестьянский труд. Чем его можно удивить, а тем паче напугать. Оказалось, можно.

А дальше не дорога – одно название. Ориентиров никаких. Не дай бог сбиться с пути, попасть в песчаную бурю. Да и что тут, собственно, удивительного. Пустыня. Деревьев нет, редкие кустики. Иногда вдоль дороги попадают дома-мазанки. Вместо стекол в окнах рисовая бумага.

На всем этом очень невеселом пути, именуемом автомобильной трассой, стояли советские автомобильные базы. Их цель – техническое обслуживание автотранспорта, на котором доставлялась военная техника, боеприпасы, горюче-смазочные материалы в Китай и уже непосредственно по стране.

Эти базы были развернуты на перевале Кинсай, в местечках Шихо, Урумчи, Пичан, Анси, Сучжоу, Ланчжоу.

Кроме автодороги функционировала и авиационная трасса. Она брала свое начало в Алма-Ате и проходила по населенным пунктам Кульджа, Шихо, Гучен, Хами, Анси, Сучжоу, Ланчжоу и далее на юг Китая. Здесь работали аэродромы, обеспечивающие дозаправку самолетов.

Еще в 1937 году, когда только начинали разметку автомобильной и авиационной трасс, закладывались аэродромы, сюда, вместе с первыми специалистами прибыли и разведчики-радисты, оборудовали радиоузлы, развернули радиостанции. Это помогло штабу руководства обеспечить управление всем процессом доставки боевой техники и вооружения в Китай.

Однако с каждым месяцем поставки росли, перегон авиационной техники увеличивался, а значит, должна развиваться и вся действующая система радиосвязи. Надо было разворачивать новые радиостанции на промежуточных аэродромах и автомобильных базах, создавать радиосеть между аэродромами для передачи метеорологической обстановки, а также между аэродромами и самолетами.

...Баталин открыл глаза. Камера... Опять камера... Когда же это кончится?

В двери открылась откидная форточка. Кто-то крикнул из коридора:

– Эй, шпион, держи баланду, падла. Страна в крови захлебывается, а ты фашистам продался.

– Это кто тебе сказал?

– Какая разница? Начальник сказал.

– Когда твой начальник меня вызовет?

В форточке показалась красная толстая физиономия вертухая. Он хохотнул.

– Ты что, идиот. Наслаждайся последними часами спокойной жизни. Скоро блевать будешь кровью, сука. Захлебнешься в собственной моче и говне. Молчи, жуй баланду, в последний раз.

Форточка захлопнулась.

Глава 7

– Что, немецкий прихвостень, дождался. Выходи на допрос.

Красномордый вертухай стоял на пороге камеры и устало смотрел на Сергея.

– Я не немецкий прихвостень, – сказал Баталин.

– Рот закрой, а то кишки простудишь. Сейчас разберутся, кто ты такой. Руки назад, лицом к стене.

Вертухай запер камеру.

– Теперь вперед.

Они прошли сумеречным коридором, в конце которого была допросная. Дверь отворилась, и Баталин увидел высоко под потолком маленькое зарешеченное окошко. За окошком ночь, темнота. «Сколько же времени? – подумал про себя Сергей. – Час ночи, два?»

В допросной находилось двое. Тот же сержант и лейтенант, которые приезжали за ним на гауптвахту.

Лейтенанту было далеко за сорок. Лысоват, седые ключья волос торчали из-за больших, красных оттопыренных ушей. Смешной, лопоухий деревенский мужичонка, да и только. Если бы не глаза... Еще вчера они поразили Баталина. У деревенских таких глаз не бывает. Бесцветные, холодные, рыбы. Неприятно смотреть, хочется поскорее отвести взгляд.

Сержант, наоборот, был молод, высок ростом, красив. В хорошо выглаженной защитного цвета гимнастерке, темно-синих галифе с малиновым кантом, с яркой эмблемой на рукаве, вышитой золотой канителью. Он сидел за столом, а его старший коллега расположился у стены на табурете.

– Марк, – обратился лейтенант к сержанту. – Начинай.

– Фамилия, имя, отчество... Год, место рождения... Национальность... Партийность... Образование...

Сергей заученно отвечал.

– Участие в боевых действиях.

– Советско-финская война.

– Советско-финский конфликт, – поправил Баталина лейтенант.

– Может, для кого-то конфликт, а для меня война, – упрямо настаивал Сергей.

– Награды?

– Медаль «За отвагу».

Энкавэдэшники переглянулись.

– Пребывание за границей.

– Спецкомандировка в Китай с июля сорокового по июнь сорок первого.

– Должность, которую занимал в период командировки.

– Помощник начальника связи штаба руководства по оказанию помощи Китаю.

– В чем заключалась твоя работа, Баталин?

Сергей задумался. Тут в двух словах не расскажешь. Она как раз и заключалась в том, чтобы обеспечивать связью автомобильную дорогу и авиационную трассу. И он, как замначальника, был в постоянных разъездах. Проблемы вылезали, словно грибы теплой осенней ночью.

Долгое время разведчиков-радиостов мучили пыльные бури. Трассы, как авиационная, так и автомобильная в Синьцзяне и в Ганьсу проходили по пустынной местности, а также по пустыне Гоби. Большую часть года, особенно весной и осенью, здесь свирепствовали пыльные бури. Это значит качество радиосвязи резко ухудшалось: в приемных антеннах накапливались мощные электрические заряды, которые создавали сильные помехи. Прием радиogramм даже небольшого объема затягивался и длился в разы дольше, чем в обычных условиях. А бури могли длиться сутками. Порою задувало на неделю.

Радисты ломали голову, чтобы противопоставить природной стихии. Постоянно думал над этим и Баталин. И однажды его осенило. По заданию начальника он приехал в Ланьчжоу, где был развернут радиоузел, который поддерживал радиосвязь с военными советниками, находившимися в зоне боевых действий, главным военным советником, с советским представителем в Особом районе Китая. По дороге попал в пыльную бурю. О ней, проклятой, и зашла речь. Вместе с начальником узла связи и другими радистами они пили чай и ругали пургу.

– А что, если нам антенны перенести внутрь? – отхлебнув из чашки и оглядывая стены помещения, в котором они сидели, предложил Баталин.

Радисты притихли, не совсем понимая, о чем идет речь.

– То есть... – неуверенно начал один из них.

Сергей тут же уточнил.

– То есть сделать их комнатными. Помехи во время пылюги будут ослаблены, и радиосвязь станет надежнее.

– Слышимость упадет.

– Упадет, но все-таки она будет. А так или мучайся неделями, или сиди, жди с моря... Вернее, с пустыни погоды.

– Надо попробовать, мне кажется, это интересная мысль. Да и что, собственно, мы теряем, – поддержал Сергея начальник узла связи.

Попробовали. Изготовили комнатные антенны для приемников. И внедрили их по всей трассе. Позже этот опыт был применен и для передатчиков. Дело в том, что антенны, расположенные на крышах советских представительств, привлекали внимание, в том числе и многочисленных банд, которые рыскали по окрестностям. Случалось, нападали на наши автомобильные караваны, убивали людей. Теперь эти демаскирующие признаки были устранены.

Но это была, так сказать, сугубо техническая проблема, и лежала она в плоскости профессиональных обязанностей. А то вдруг на пути вырастает такая стена, что оторопь берет. Правда, потом приходит осознание что стену эту неприступную придется преодолеть. Иного выбора нет.

Вот с такой стеной он столкнулся, когда прилетел в город Хами. Там на нашем радиоузле только, что установили передатчик мощностью 500 Вт. Но для работы такого передатчика необходимы соответствующей высоты мачты, чтобы подвесить антенну. Но где же найти материал для изготовления мачты, если вокруг на сотню километров ни одного деревца. Поняв, что собственными силами эту задачу решить не удастся, Баталин пошел за помощью к начальнику автобазы. Но тот только развел руками, ни подходящих столбов, ни бревен у него не было. Думали-рядили, да так ни к чему и не пришли. В общем, стена, да и только.

Решили на всякий случай проехать по городу и окрестностям в надежде, что удастся найти хоть какие-то материалы. Впрочем, начальник автобазы не очень верил в успех, ведь он и так знал этот городок, как свои пять пальцев. Но, уважив Баталина, военинженер сел за руль. Объехали улицы, обшарили закоулки... Ничего. Какие бревна, в этом краю и щепку найти проблема.

Пришлось возвращаться ни с чем. Они ехали по улице, вдоль которой были высажены красивые пирамидильные тополя. Сергея, выросшего среди русских березок, всегда восхищали эти величественные деревья. Они поражали своей необычайной стройностью. Где-то он читал, что тополя вырастают высотой до сорока метров и являются единственным растением, которое обогащает окружающую среду кислородом круглые сутки.

– Стой! – вдруг крикнул Сергей.

Начальник базы резко нажал на тормоза и удивленно уставился на Баталина.

– Тополя, Василийч! Вот они, наши мачты.

Военинженер выглянул в окно машины и, любуясь деревьями, вздохнул:

– Ты представляешь, радийная твоя душа, что означают эти тополя для города, задыхающегося в песках.

Сергей молчал. Он все понимал. Но у него не было другого выбора.

– Ладно, – сказал руководитель автобазы, – поедem к уездному начальнику. Надеюсь, поймет.

Уездный глава, конечно, понял советских командиров. Ведь, в конечном итоге, просили они не для себя. Тополя были спилены, очищены от сучьев и коры и на следующий день доставлены в распоряжение узла связи. Вскоре они стали радиомачтами.

Вот в этом и заключалась его работа в Китае. Однако, судя по всему, лейтенанта и сержанта госбезопасности мало интересовали пыльные бури, плохая слышимость приемников, радиомачты.

– Говоришь, постоянно объезжал точки? – уточнил лейтенант.

– Да, там где располагались наши узлы связи, радиостанции.

– И много таких точек было.

– Собственно, по всей стране, начиная с Алма-Аты и дальше – Дзиньхо, Шихо, Урумчи, Гучен...

– Достаточно, – остановил его лейтенант. – Хорошая у тебя служба.

Баталин только пожал плечами, не зная, что ответить. Службу он не выбирал. Где приказали, там и служил.

– Чего молчишь? Жмешься, как целка, – рыкнул лейтенант, в мгновение ока превратившись из деревенского добряка в злого надзирателя. – Удобное, говорю, прикрытие, твоя служба.

– Прикрытие? Для чего? – не понял Баталин.

– Для создания антисоветской контрреволюционной организации.

Лейтенант поднялся, подошел к Сергею, и наклонившись поближе к его лицу, тихо и зловеще прошептал:

– А может, для организации агентурной сети немецкой разведки в рядах наших радистов. Баталин был настолько ошарашен этим диким обвинением, что удивленно спросил:

– Какой немецкой? Где Германия, а где Китай.

– Тогда японской разведки, – невозмутимо ответил лейтенант. – Тебе от этого легче?

В допросной все стихло. Баталин молчал, пораженный услышанным. Энкавэдэшники пристально наблюдали за ним, пытаясь угадать, выдержал ли воентехник первый, весьма щадящий, слабенький удар под дых. Стоит он еще на ногах, или уже на коленях.

– Пойдем, сержант, подыдем, – сказал лейтенант, и они вышли в коридор.

– Николай Андреевич, – прикуривая сигарету, спросил сержант, – поделитесь опытом, откуда у вас данные, что этот арестованный немецкий или японский шпион?

– Какие данные, Марк?

Сержант вопросительно посмотрел в лицо старшего по званию.

– Вы что, на понт его берете?

– Салага ты, зеленый. Слушай и запоминай. Где сейчас главные дела творятся? Правильно, на Западе. Там фронт. А мы с тобой где сидим? В глубокой жопе сидим. То бишь в тылу. Что тут высидишь, кроме деревянного яйца. Война закончится, а мы так и останемся – сержантом и лейтенантом госбезопасности. Хотя ты еще молодой, а мне, седому и лысому, ловить нечего. Дошло?

Лейтенант сладко затянулся сигаретой и пристально посмотрел на собеседника. По его растерянному виду понял: не дошло.

– Такой шанс подвернулся. Прошло всего несколько дней войны, а мы уже шпиона разоблачили. Да какого! В рядах наших разведчиков-радистов. Это тебе не слесарь с «Красного

молота», который анекдоты антисоветские на кухне травит. Расколем, реально по шпале в петлицу получим.

– Мне до шпалы далеко.

– Значит, кубарь заслужишь.

Сержант заулыбался. Такая перспектива ему явно была по душе.

– А получится? Расколем?

Лейтенант криво усмехнулся.

– Дорогой мой, у меня в тридцать седьмом комдивы на допросах, как дети рыдали. Но пока ни-ни, пальцем радиста не тронь. Мы ему такую карусель устроим. Ночь не поспит, другую. Посмотрим. Сейчас половина третьего. Спать ему не давай. Терзай, задавай любые вопросы. Какие неважно. Я вздремну, часа через два тебя сменю.

Николай Андреевич не соврал. В половине пятого утра он сменил сержанта и продолжил допрос. В семь эстафету принял Марк.

В половине девятого в допросной раздался телефонный звонок.

– Сержант! – услышал Марк знакомый голос в трубке. – Арестованного ко мне в кабинет.

Кабинет лейтенанта находился на третьем этаже. Сержант вывел Баталина из допросной, они поднялись по лестнице на третий этаж, и в коридоре неожиданно встретили начальника управления НКВД старшего майора госбезопасности Карпова. Сержант не успел разглядеть лица, он только увидел два ромба в петлице и понял, что перед ним самый старший начальник.

Карпов остановился, с удивлением глядя на помятого, невыспавшегося, небритого арестанта в гражданской одежде.

– Сержант! Это что такое?

– Шпион! – вытянулся в струнку Марк.

– Какой шпион?

– Немецко-японский... Снят с поезда с оружием и без документов.

– Кем снят?

– Лейтенантом Дрыгало и мною.

Старший майор еще раз окинул взглядом арестованного.

– Почему не доложили? Ко мне его в кабинет. Я буду через десять минут.

Начальник управления возвратился к себе, отпустил сержанта, задал единственный вопрос:

– Вы кто такой и как к нам попали?

Баталин который раз за сутки рассказал о себе, о том, как возвращался из Китая, был арестован в поезде, препровожден в НКВД и здесь его всю ночь допрашивали. Он много раз просил позвонить в Москву по телефону. Но его никто не слушал.

Карпов снял трубку телефона и спросил Баталина.

– Какой вы сказали номер?

– К-т5–30–00.

Он произнес номер в трубку. Подождал, и когда ему ответили на том конце провода, представился.

– Скажите, воентехник 1-го ранга Баталин Сергей Иванович – это ваш сотрудник?

Сердце Баталина забилось чаще, он замер, в упор глядя на старшего майора госбезопасности. Тот положил трубку, но по лицу нельзя было понять, что ответили ему в Москве.

– Сергей Иванович! – Неожиданно этот строгий начальник с двумя ромбами в петлицах, что соответствовало армейскому званию комдива, обратился к нему по имени-отчеству. – Произошла ошибка. Сейчас вам помогут привести себя в порядок, покормят, и через три часа посадят в поезд, идущий в Москву. В Разведуправлении вас ждут. Соответствующие документы вы получите.

– А пистолет? – беспокоился Баталин.

– Оружие вернут. Желаю благополучно добраться до столицы.

На вокзал Сергея сопровождал угрюмый и злой лейтенант госбезопасности Дрыгало. Видимо, у него уже состоялся разговор с начальником управления. Он получил билет у железнодорожного коменданта, молча сунул его в руку Баталину, проводил до вагона.

– Прощайте, товарищ лейтенант госбезопасности, – сказал Сергей и протянул руку Дрыгало. – Простите, что не получилось из меня немецко-японского шпиона.

Рыбьи глаза Дрыгало остекленели.

– Повезло тебе, сучий потрох...

Он развернулся и, не пожав руки, зашагал прочь от вагона.

Часть вторая

Глава 1

Начальник первого отдела Разведуправления полковник Павел Селезнев внимательно выслушал доклад воентехника Баталина. Как можно подробнее попросил рассказать об аресте в Куйбышеве, допросе, диких абсурдных обвинениях. Чем больше говорил Сергей, тем беспокойнее становилось на душе у полковника. «Их даже война не уgomонила. – думал он. – Впрочем, почему она должна была их уgomонить? Теперь, прикрываясь войной, они и вовсе будут творить, что захотят. Этот случай очень тревожный сигнал. Реально могли замордовать парня. А пора бы уже и с настоящими шпионами разбираться, а не с придуманными. Но с теми намного труднее и опаснее. Он, конечно, напишет докладную начальнику, только, что толку...»

– Вот что я тебе скажу, Баталин. Мой совет на будущее: держись от них как можно дальше.

– Я ведь в гости к ним не напрашивался. В Сарыозеке у начальника просил, дайте мне хоть какую-нибудь справку, а то и, вправду, в гражданке, с пистолетом, без документов...

– Согласен. Наш просчет. Но у начальника тоже приказ: разведчиков не светить. До тебя десятки наших таким же образом отправляли. До Москвы добирались без всяких проблем, любо-дорого. А ты как раз на 22 июня угодил, границу пересек. Пока до Куйбышева добрался, тут уже все тылы на поимку шпионов подняли. Тупизна это дремучая, немецкие шпионы без документов не пойдут. У них, не сомневаюсь, будут отличные документы. Вот о чем надо думать НКВД.

Полковник Селезнев раскрыл большую старую тетрадь, полистал ее, нашел нужную страницу.

– Вот что, Баталин Сергей Иванович, ты временно прикомандирован к первому отделу. Дальше посмотрим.

– А как же служба радиосвязи? – удивился воентехник.

– Там в курсе. Ты хорошо поработал в командировке. Теперь придется потрудиться здесь. Отдел, к сожалению, у нас небольшой, людей мало. Опыта тоже. А у тебя за спиной финская война, Китай. Обещают вроде нас в управление развернуть, но пока... Так что дел...

– Вагон и маленькая тележка, – подхватил Баталин, вспомнив вдруг любимое выражение начштаба 44-й дивизии полковника Онуфрия Иосифовича Волкова.

– Это ты тонко подметил, – усмехнулся Селезнев. – Поэтому не откладывая дела в долгий ящик, мы сейчас идем разгружать этот вагон. Точнее, идем на допрос. Как раз и тебе тренировка в немецком, а то ведь в последнее время ты все больше китайским занимался.

– Некогда там было китайский учить, товарищ полковник. Главное выжить, да связь дать. Чтoб японские шпионы, которых немало среди китайцев, не отравили.

Полковник захлопнул тетрадь, спрятал ее в сейф и встал из-за стола.

– Что за допрос? – поинтересовался Сергей.

– Сейчас увидишь. Правда, мы уже назначили переводчика, но ничего страшного. Как говорят, кашу маслом не испортишь. Допрашивать будем немецкого летчика, сбитого над нашей территорией. Сейчас, чтобы ты знал, принята директива об обязательной и немедленной отправке в Москву, к нам в Разведуправление, пленных офицеров, унтер-офицеров и летчиков вермахта.

Селезнев вместе с Баталиным вышли из подъезда во двор, завернули за угол здания и оказались перед маленькой одноэтажной постройкой. Полковник открыл скрипучую дверь, шагнул в комнату. Сидевший за столом младший лейтенант поднялся.

– Летчик здесь? – спросил Селезнев и, не ожидая ответа, приказал: – Заводи. Начнем. Полковник сел справа у стены, Сергею предложил расположиться напротив.

Караульный с винтовкой на плече ввел в комнату пленного. Перед ними стоял среднего роста, рыжий капитан люфтваффе. На макушке волосы его были ярко-рыжими, а к вискам постепенно светлели, словно выгорели на солнце. Брови светлые, соломенные, едва видимые на бледном лице.

Баталин впервые лицом к лицу видел врага. На летчике был мундир с открытым воротом, сорочка без галстука, погоны с двумя звездочками, на грязновато-желтых петлицах по три птички, ниже – дубовые листья. Пилот, как показалось Сергею, был несколько помят и обескуражен, но держался уверенно.

Переводчик начал задавать вопросы. Спрашивал как-то неуверенно, тихим голосом, все время поглядывая то на полковника Селезнева, то на Баталина.

Из ответов летчика стало ясно, что зовут его Питер Ланге. Это не первый его налет на Москву. Командир сбитого Ю-88 вел себя умело и хитро. Он убеждал переводчика, что в тайны командования не посвящен, знал только маршрут своей боевой машины, район бомбежки, да и то до него не дотянул, был сбит зенитной артиллерией, выбросился с парашютом. Экипаж его самолета, судя по всему, погиб.

Так, в сущности, и произошло. О подробностях боя Селезнев был осведомлен и без Ланге, а вот что касалось позиции капитана «моя хата с краю», и я знаю только свой маршрут, тут никто фашисту не поверил. Пленного отправили в камеру, а переводчику было поручено внимательно изучить документы гауптмана.

Младший лейтенант изучил, но ничего примечательного не нашел. Дольше всего помучился с записной книжкой пилота, однако расшифровать замысловатые немецкие знаки не смог.

Полковник Селезнев вызвал к себе Сергея.

– У нашего переводчика полный провал. Одолеть ему этот Эверест так и не удалось. Хотя он старался.

– У него не только в письменном переводе провал, он и на допросе был ни рыба ни мясо. Кстати, это сразу же почувствовал наш огненный летун.

– О, бомбер Ланге сама интеллигентность. Большая редкость, скажу я тебе по секрету. Ты еще насмотришься такого... К нам попадают офицеры и летчики, а это же элита. Железобетонные фашисты: наглые, самоуверенные, ведут себя высокомерно, вызываясь. Уходят от прямых вопросов, не моргнув глазом выдают ложные сведения, пытаются запутать переводчиков. Недавно один озверелый фашист во время допроса набросился на переводчика, попытался вырвать у него пистолет. Хорошо часовой находился в кабинете. Один удар в лоб прикладом, и фашист, придя в себя, стал просто шелковым. Не успевали за ним записывать.

– С немцами понятно, а что с переводами? Поток материалов будет нарастать, это и дураку ясно – трофейные документы, разного рода приказы, уставы, наставления, записи на оперативных картах. А личные письма военнопленных, их документы. Перевод статей в газетах, радиопередач, расшифрованных радиogramм. А тексты? Они же разные: технические, политические, экономические...

Баталин умолк. Угрюмо молчал и Селезнев. Проблем Сергей набросал много. Разошелся, как Хлестаков. Но, судя по всему, полковник это знал и без него. Воентехнику стало не по себе. В управлении еще без году неделя, а уже шустро углядел недостатки и недочеты. Чтоб как-то сгладить неловкость Баталин спросил:

– А переводчик откуда?

– Прикрепленный. То ли из Наркомата торговли, то ли из Политехнического музея. Людей не хватает. Привлекаем из гражданских организаций. Надо будет у начальника бюро переводов Савенкова уточнить.

Селезнев вынул из папки синюю записную книжку. Сергей узнал книжку Ланге. Полковник протянул ее Баталину, но не отдал сразу, а придержал, словно сомневаясь.

– Поработай плотно с записной книжкой. Как ты сказал, огненного летуна? Что-то мне подсказывает, он не так прост, как прикидывается. А насчет переводчиков, ты в точку попал. Мы эти проблемы вместе с Савенковым в начале этой недели долго «жевали». Вроде нашли развязки. Кстати, тот же Савенков про тебя каким-то образом пронюхал и слезно просил отдать тебя в бюро переводов. Пойдешь?

Полковник хитро прищурился.

– Что вы, да никогда, – наотрез отказался Баталин.

– Ты не торопись. Как бы не промахнуться. Он тебя грозился едва ли не своим замом сделать.

– Товарищ полковник, я им факультативно буду помогать. За счет своего личного времени.

– Хитер монтер, учитывая, что мы работаем от зари до зари, без выходных, где ты видел это личное время. А по большому счету ты прав, это же наше общее дело. Надо – поможем. Вот сейчас и пришло то самое надо.

Записи бомбера Питера Ланге оказались настоящим ребусом. Баталин быстро понял: капитан делал стенографические записи, да еще мелким, куриным почерком, разумеется, по-немецки. Будь такая абракадабра записана по-русски, и то вряд ли разберешься, а тут еще на чужом языке. На это и рассчитывал фашист, мол, откуда у диких русаков найдутся спецы по немецкой стенографии. Но Ланге просчитался. Действительно, таких специалистов были единицы, но, поди ж ты, не повезло фашисту, Баталин знал немецкую стенографию.

Почти всю ночь корпел он над записями. Но ребус разгадал. Оказывается, Ланге участвовал в совещании командиров летных частей немецкой воздушной армии. Там же из уст командования и прозвучали даты – 30 сентября – 1 октября, которые гауптман пунктуально занес в свою записную книжку. Цифры оказались особой важности – на эти сутки гитлеровское командование назначило генеральное наступление на Москву. На втором допросе фашистскому капитану ничего не оставалось, как подтвердить верность расшифрованных записей. Они в тот же день были доложены командованию Разведуправления, далее в Генштаб, в Ставку Верховного.

Гитлеровский пилот был поражен, он пережил настоящий шок. Этот русский старший лейтенант, которого, казалось, он, чистокровный ариец, легко обвел вокруг пальца, «расколол» его. «Огненный летун», по сути, выдал врагам дату наступления на Москву.

Интересная была работа. Но участие в ней скорее исключение. Допросами занималось специальное бюро переводчиков, которое квартировало на улице Грицевца, 19. А в обязанности офицеров первого отдела входил подбор сотрудников для заброски в тыл, введение их в оперативную обстановку, обеспечение легендирования, снабжение документами, разработка условий связи, осуществление засылки агентов и руководство их дальнейшей работой.

Учили, как по неожиданным приметам установить, что перевозится в поездах. Как на глаз сосчитать живую силу, если колонна противника в движении. Конспиративные квартиры, явки, пароли. Изучение немецкой формы, званий, знаки различия, ордена, медали. Словом, делали из обычных людей разведчиков.

Работа шла в столь напряженном режиме, что один офицер, как правило, готовил сразу несколько разведгрупп и отдельных агентов.

Однако прежде чем принять для подготовки группу будущих агентов, Сергей получил персональное поручение начальника отдела.

– Займись радистками разведгрупп, приглядишься, – сказал Селезнев. – Срок подготовки завершается. Энергии у девчонок много, а знаний маловато, молодые, неопытные... В тылу врага кто ей поможет? А без связи, сам знаешь, мы ничего не значим. Пустое место.

Сергей прекрасно понимал то, о чем говорил начальник. Все правильно говорил. Только попал он в щекотливую ситуацию: радисток разведгрупп готовили конкретные инструкторы. Старались, обучали, а тут приходит весь в белом воентехник Баталин и... устраивает проверку. А если окажется, что проверку эту кто-то не пройдет. Стало быть, кому шкуру спустят? Знамо дело – инструктору: недоучил, недоглядел.

Полковник Селезнев был человеком опытным и, безусловно, догадался, о чем задумался его подчиненный.

– Самое главное запомни: ты не проверяющий, не инспектор, а помощник. Добрый и внимательный. Подскажи, посоветуй, но оценки каждой из девочек будешь выдавать только мне. Лично. Никому больше.

Баталин вздохнул с облегчением: гора с плеч. Он был готов прямо сейчас стать добрым и внимательным.

На «инспекцию» Сергею дали двое суток. На третьи сутки утром его ждал с докладом начальник отдела.

– А... Инспектор! – улыбнулся полковник. – Чем обрадуешь, детина?

– Докладываю: поработал с радистами в девяти разведгруппах. Рядовые Гринчук и Чеботарева подготовлены отлично. Даже не ожидал.

– Надеюсь, ты раскусил секрет их высокой подготовки?

– Чего там кусать, товарищ полковник. Гринчук – студент института связи, а Чеботарева – занималась в радиосекции Осоавиахима. Остальные начинали, как нулевые. Тем не менее пятеро из них на сегодня вполне на уровне. Учитывая, конечно, наш сжатый курс обучения. А вот двоих надо отчислять.

– Отчислять? С какого перепугу? – удивился Селезнев. – У них же через неделю заброски в тыл.

– Ивацевич и Панова. Выходит, проглядели, когда зачисляли.

– Что значит, проглядели? Нет, погоди, Баталин! Такого не может быть. Учили, мучили, и на тебе... В чем там дело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.